

Надежда ПТУШКИНА

НЕ ЛУЧШЕЕ УТРО НАШЕЙ ЖИЗНИ

Мелодрама в двух частях

Внимание: любое (коммерческое, благотворительное, профессиональное, любительское) публичное исполнение пьесы возможно исключительно с **разрешения автора**. Для исполнения пьесы, будь то в России или за рубежом, необходимо получить разрешение заранее, обратившись **лично к автору** по адресу ptushkina@mail.ru.

Автор **не разрешает** вносить какие-либо изменения в текст, сокращать или менять местами сцены, менять имена или возраст героев, а также переименовывать пьесу.

Нарушение авторских прав преследуется по закону Российской Федерации и по нормам международного законодательства.

Надежда Птушкина готова безвозмездно разместить вашу информацию (в том числе рекламного характера), фотографии, видеоматериалы на своем сайте <http://ptushkina.com> о спектаклях (в любой точке мира), фильмах и радиопередачах по ее пьесам.

Действующие лица

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ КРУЧИН, 1924 года рождения

ГАЛИНА, ЕГО СУПРУГА, 1949 года рождения

СВЕТКА, ЕЁ ДОЧЬ, 18 лет

КОСТИК, ЕЁ СЫН, 25 лет

БЫКОВ СЕРГЕЙ, по прозвищу БЫК, за тридцать.

БЕСЛАМ, внук однополчанина Кручина, 33 года

РЕПЕЙНИКОВ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ, сын однополчанина Кручина, 60 лет

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК НИКОЛЬСКИЙ, почти ровесник Кручина, чуть старше.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА. 7 МАЯ

Скромная, немного старомодная двухкомнатная квартира. Одна комната - “зала”; два ковра по стенам, два дивана у стен, телевизор, круглый стол, горка с хрусталём, книжный стеллаж с аккуратно расставленными подписными изданиями на видном месте, а внизу уже разные книги. Другая комната, “детская”, явно современной; яркие плакаты на стенках, магнитофон; в разных сторонах комнаты - матрас на ножках и узкая постель. Между ними - ширма, но сейчас она сдвинута к стене. Письменный стол, стул. Книги на подоконнике, на полу, на матрасе. Кое - какие раскрыты, тут же тетрадки. На табуретке посреди комнаты швейная машинка.

У Василия Михайловича сегодня День рождения. Самого его пока дома нет, а семья готовится отмечать. Все в кухне. Галина шинкует лук. Костик тщательно моет парадную посуду. Света тычет вилкой во что-то внутри кастрюли на плите.

ГАЛИНА. Стамбула два! Два Стамбула, прикиньте! На одной и другой стороне! Я тогда, помните, в блондинки подалась? И турки на меня, как мухи на мёд. Все наши с шопрейса на автобус, а меня встретят, товар заскочтуют крепким скотчем, жёлтым таким, ярким, тоже денег стоит, а мне этот скотч так... В парк водили, в мечеть, но меня туда, как женщину, не пустили. Магазинщик на свадьбу позвал. У невесты с фаты, а у жениха с плеч денежки, склеенные лентой, до полу. (Другим тоном) Вся слезами изошлась... (Отталкивает Костика плечом) Пусти, морду умою... (Ополаскивает лицо)

СВЕТА. Свёкла сварилась. (Достаёт из кастрюли свёклу, укладывает в миску) Мам, ты лук кончила ?

ГАЛИНА. Это лук меня кончил.

СВЕТА. Освободи место, буду свёклу тереть. Костик, пусти к раковине! Надо свёклу под холодную воду!

ГАЛИНА. Фаршичка-то хватит на котлеты? (Достаёт из холодильника две упаковки фарша, разворачивает, смешивает с луком.) Турчанки все в этих, ихних, намордниках. Физиономии запрятаны, одни глаза торчат. Ресторан большой, а ушла трезвая и голодная. Пьют вот из таких дришек, а закусывают восточными сладостями. Официант по чуть-чуть на таком малюсеньком подносике подносит. А чего и поддавать, если петь у них не положено? Беру яичко, долбану туда... чесночку, перчика сыпану, манки... И для беззубых хорошо! (Протягивает в пальцах шмоточек фарша) Светка, кусни! Луку хватит, нет?

СВЕТА. (Брезгливо) Мама, это же сырой фарш...

ГАЛИНА. (Отправляет себе в рот) Годится луку! (Лепит котлеты) Сегодня погуляем-попоём! (Запевает) “ При лужке, лужке, лужке, при знакомом поле, при далёком табуна конь гулял на воле. Ты гуляй, гуляй мой конь, пока не споймают. А споймают - зауздают, шёлковой уздой!”

КОСТИК. Мам, ты чего папе подаришь?

ГАЛИНА. А чего дарить? Не круглая дата! У меня до получки остались не деньги, а слёзы. Полоса такая - нет возможностей. Стол накрою - и хорошо! Картошечка на сале жарится, как он любит. Котлеток наделала. Водочка кристаловская в наличности. А вы дарите что-то?

СВЕТА. Секрет.

ГАЛИНА. У тебя с малолетства всё секреты, всё тишком, шепотком.

СВЕТА. Костик, порежь свёклу, а то у неё такой запах, прямо мутит...

Надежда Птушкина. *Не лучшее утро нашей жизни.* <http://ptushkina.com>

ГАЛИНА. Свёкла воняет? Плохая что ли попалась? (Нюхает) Чего выдумываешь? Свеколочка годная!

КОСТИК. (Свете) Давай тёрку! Я сделаю.

ГАЛИНА. Чем тебе свеколочка не угодила?

СВЕТА. Гадость!

КОСТИК. У меня предложение. Я купил отцу книгу.

ГАЛИНА. А то у него книг мало!

КОСТИК. Он давно эту хотел. Я за ней по городу, будь здоров, несколько дней помотался. Давайте, это будет наш общий подарок ему на День победы! Книга про войну!

ГАЛИНА. Я про войну читать не люблю. Всё враньё!

СВЕТА. Тебе никто не предлагает эту книгу читать! Тебе предлагают подарить от всех вместе.

ГАЛИНА. Чего ты такая раздражительная? Я не курица, понимаю, чего говорят.

СВЕТА. Ну, так что?

ГАЛИНА. У меня и так голова кругом от всего! (Косте) А ты, лучше, не по книгам шлялся бы, а в аспирантуру готовился. А то возьмут кого-то по блату, а ты в армию загремишь. Тут мне предлагал один майор за триста долларов в Москве тебя в часть устроить, что-то вроде телеграфиста. Это дешево, но у нас и ста долларов нынче нет. Хотя, приспичит - найду.

КОСТИК. Мама, как насчёт подарка? Не ответила!

ГАЛИНА. Делайте сами, как знаете. А я добегу в домоуправление. Говорят, там сегодня подарки ветеранам выдают. Отец сам не пойдёт, а я не гордая. Может, чего и сгодится. Бутылка водки - и то пусть. Вы тут картошку выключите, котлеты переверните. Там в холодильнике осетринка, я двести грамм взяла, так её на стол не надо. Это пусть на послезавтра, на победу. А ещё парочка свежих огурчиков, так один нарежьте, для запаха и красоты, травкой посыпьте. А ты, Света, сделай ещё яичко под майонезом, он любит. Чтоб, побольше всего на столе. Расставьте, покрасивее, салфеточки положьте матерчатые, а не эти, как туалетная бумага. (Переодевает обувь на уличную) Ой, дожили! Сейчас мясца бы отбить, курочки нажарить, лимончиком побрызгать, всякие баночки-скляночки наставить... Раньше на его день рождения столько всего готовила, что и на победу оставалось. А нынче каждый кусок считаю.

КОСТИК. Мама, куда ты собралась? Сейчас папа придёт!

ГАЛИНА. Я мухой. В домоуправление и назад. Котлеты не сожгите! И морс развести не забудьте!

КОСТИК. Не задерживайся!

Галина выскакивает за дверь. Костик и Света накрывают на стол.

КОСТИК. Стол будем раздвигать?

СВЕТА. А зачем? Раньше столько народу приходило. Фронтовики. Как раз перед Днём Победы в Москву съезжались. А потом всё меньше, меньше, а сейчас и вовсе никого. Кто-то умер, у других денег нет на дорогу... Хорошо, что папа в параде участвует... Вот я думаю, пройдёт сто, двести лет, и станут путать Великую Отечественную с войной с Бонапартом... Какой же смысл в наших волнениях, в нашей гордости своими отцами и дедами?

КОСТИК. Что-то батя запаздывает. А с тобой что?

СВЕТА. Со мной?

КОСТИК. С тобой всё в порядке?

СВЕТА. Вроде, да. А что?

КОСТИК. Ты в последнее время...

СВЕТА. Что?

КОСТИК. Ну, вроде как у тебя что-то в жизни не по-доброму...

СВЕТА. (Засмеялась тихонько) Ты скажешь иногда... Чувствуется, что детство в деревне провёл. Против твоего деревенского детства университет пасует.

КОСТИК. А я считаю - повезло, что в деревне. Мне, знаешь, снится наша река... и наше село, бесконечное, тянется по берегу... Когда мать поёт "вот на пути село большое", я всегда думаю про наше. Зброшенные сады, совсем заглохшие... Сколько лет прошло с войны, а сады всё не сдавались, не хотели умирать. Мы, пацаны, в них паслись... И, в снах, всё цветное... Вишня красная-красная! А над ней дрозды, клюют её. Ещё черёмухи огромные! Батя ворчал," черёмухи наелся?" Она рот вязала, так батя боялся, что я задохнусь... А я удивлялся, как батя всегда догадывается? А у самого ладошки синие и рот, весь до ушей, синий...

СВЕТА. А я помню, как мать меня к вам привезла!

КОСТИК. Тебе четырёх лет не было!

СВЕТА. Помню! С деревни и начинаю всё внятно помнить. Сначала вокзал. Потом площадь. Потом с матерью в грузовике ехали. Трясло! А ещё мама постучит водителю в кабинку, он притормозит на секундочку, а мама раз и долой с грузовика. Грузовик поедет, а мама бежит, догоняет. А я реву, боюсь, что не догонит, и я потеряюсь. Ей какие-то мужчины руки протягивали с кузова, она хваталась и на ходу вскарабкивалась. И так хохотала. И все её нахваливали, восхищались. Потом мы шли по дороге между высоких колосьев. И я увидела васильки. Синие-синие! А неба наверху так много, словно купол. И тепло и как-то сиянно... Пришли во двор. А там кошка, собака, куры, петухи... Слово я попала внутрь книжки с цветными картинками! А ты подошёл и протянул мне в кулаке стебелёчки тёмненькие, а на них ягодки красненькие... Я впервые землянику увидела. И аромат её прямо в сердце толкнул...

КОСТИК. Ну и память у тебя!

СВЕТА. В Москве-то я всё на пятидневке. Дни сливались. Проснёшься - и всё равно, утро ли, вечер ли... Потом стала угадывать... Если метла шваркает, или лопата скребёт, то новый день... Там забор был глухой, но не от самой земли... Мы сидели на корточках и мам высматривали. Я все мамины туфли до сих пор помню. И босоножки, и лодочки красные, и лакированные с бантиками на высоких каблуках... Нянечка подойдёт и скажет: чего скрючились, сегодня только среда, рано своих мамаш ждёте... А придёт мать, бегу к ней, висну, а от неё водкой пахнет... И от этого запаха меня тоска схватывала...

КОСТИК. Слушай, ты в институт собираешься поступать? Мы с тобой месяца два за учебники не садились. Ты всё отлыниваешь.

СВЕТА. Не знаю, Костик, что буду делать, не знаю и гадать не хочу. Устала.

КОСТИК. Слушай, для восемнадцати лет у тебя уж совсем какие-то упаднические настроения.

СВЕТА. А ведь отец на маме из-за нас женился. Потому что нас любил.

КОСТИК. И маму потом любил. Она красивая была.

СВЕТА. А мы ведь с тобой, так и не знаем, от кого родились.

КОСТИК. А зачем? У меня батя - единственный. Я никого другого не признаю.

СВЕТА. Ой, чего-то опять тошнит... (Уходит в комнату и садится на кровать)

КОСТИК. (Подходит к ней) Не заболела?

СВЕТА. Погоди...

ПАУЗА.

СВЕТА. Всё. Отошло.

КОСТИК. Что с тобой?

СВЕТА. (С отчаяньем) Костик, у меня будет ребёнок.

КОСТИК. В каком смысле?.. У тебя? Ребёнок? Откуда?

СВЕТА. В сентябре. Только не спрашивай, кто отец.

КОСТИК. В сентябре. Да это ж здорово, что в сентябре! Значит, уже на этот новый год мы для него нарядим ёлку! И он будет смотреть и радоваться!

СВЕТА. Костик! Я тебя очень люблю!

КОСТИК. При тебе такие мужики - я и батя. С нами не пропадёшь. И мать у нас расторопная, толковая. Подскажет, чего да как, подсуетится. Всё здорово, Светик! Я тебя поздравляю! (Смеётся) У меня будет племянник!

СВЕТА. Ты, правда, рад?

КОСТИК. Посмотри на меня внимательно! Я притворяюсь, по-твоему?

СВЕТА. Нет. Спасибо тебе!

КОСТИК. Тебе спасибо! Да мы тебя всей семьёй на руках носить будем! Но в институт готовиться заставлю. Обещаешь наверстать?

СВЕТА. (Смеётся) Горы сверну!

Входит Василий Михайлович в новом костюме и в кепке.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Это кто тут горы свернуть задумал?

СВЕТА. (Бросается ему на шею) Папа! Ну, как прошло? К торжественному параду на Красной площади старший сержант Кручин готов?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не совсем. Медицина хотела забраковать. Еле убедил. Сделали укол от давления, посидел там у них, и сюда доставили.

КОСТИК. Сегодня отдохнёшь, ляжешь пораньше.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Писем, телеграмм не было? Никто не звонил?

КОСТИК. Рано. Вот завтра, послезавтра кто-то нагрянет, как всегда неожиданно.

СВЕТА. И станете про “минувшие дни и битвы, где вместе рубились они”.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. А где мама?

КОСТИК. Отлучилась на минутку.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ну, хорошо. (Уходит в ванную)

СВЕТА. Костик, давай ему сейчас подарки отдадим. Он повеселеет. А до послезавтра что-то придумаем.

КОСТИК. Правильно. Только маму подождём.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Выходит из ванной и останавливается в зале перед накрытым столом) Какая красота!

СВЕТА. (Выходит из “детской” в залу) Перекуси пока, а сейчас мама подойдёт, и будем праздновать все вместе.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Зачем? Подождём маму! (Задумался о чём-то своём) Плохо...

КОСТИК. (Выходит в залу) Мама только в домоуправление и обратно.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я не к тому. Там, на репетиции парада ко мне журналист подскочил. Слово за слово, чего-то про целину заспорили. Не надо было целины, говорит. Народ, мол, дурили, показуха... Никакого толку! Я хотел сказать, а он не слушал... Как не надо? В первые же годы мощнейшие урожаи. Хлеб нужен был стране. А сейчас в Казахстане на том и живут, что мы построили. Столицу свою на бывшую целину перенесли. До сих пор там, у людей и жильё и работа. А этот, молодой, что он знает? Не слушает, не верит, а ехидничает... Я загорячился, вот давление и подскочило...

КОСТИК. Папа, ты всё принимаешь близко к сердцу.

Надежда Птушкина. *Не лучшее утро нашей жизни.* <http://ptushkina.com>

СВЕТА. Меня рядом не было! Да как он смеет ехидничать? Ты в его годы уже воевал, в тебе сорок семь осколков...(Хочет перевести его мысли на другое, поправить настроение) Папа, расскажи про войну!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Сразу повеселел, присел на стул) Да вроде уже всё вам пересказал...

СВЕТА. А ты боялся на войну идти, в семнадцать-то лет?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Таких настроений у нас не было - бояться, ахать, охать. Все знали - войны не миновать. Фашисты - наши враги. Видели эшелоны с Востока на Запад. Мальчишки всерьёз относились, что они - будущие защитники Родины. Фильмы тогда были хорошие. "Чкалов", "На границе". Нашу боевую технику там показывали, мощь нашу. Я тогда учился в педагогическом техникуме, хотел учителем стать. Война все планы спутала. (Смеётся) Может, и к лучшему. Когда я к вам в школу ходил, то ох... Нынче молодёжь с ног сбивает! Раньше учитель был самый почётный человек, а теперь, кто учитель, так он словно бы неудачник в жизни. Вот как повернулось... А в педагогическом, как и повсюду тогда, военное обучение и мальчиков, и девочек. Военрук был участник финских боёв. У нас, пацанов, было такое настроение - учёбу хоть брось, а военная подготовка - главное. Изучали гранату, пулемёт, окопы рыли, перебежкам учили, на мотоцикле ездить...

СВЕТА. А девушка у тебя была?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Смеётся) Вот, ты какая любопытная... Девушка-то была. Просто я ещё не знал, что она - моя девушка.

СВЕТА. Как это не знал?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Так вот, не догадывался. Мало о девушках думал, больше о Родине.

СВЕТА. А как её звали?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Марусей звали.

СВЕТА. Она плакала, когда ты на фронт уходил?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Нет, она никогда не плакала. Всегда смеялась. Махонькая такая, курносенькая, в веснушках, с рыжими косами. Ровесница мне, а смотрелась лет на тринадцать.

СВЕТА. Обещала дожидаться?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ничего не обещала. Со мной пошла.

СВЕТА. На войну?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Хитрая, как лисичка.

СВЕТА. И пустили воевать?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Люди нужны были позарез. Да и она, кого хочешь, уговорит. На кухню взяли.

СВЕТА. (Смеётся) Около кастрюль воевала?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Смеётся) Вид у неё был боевой. Печка едет, каша варится, а она на передке печки сидит, кашу мешает.

СВЕТА. Как это - печка едет?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Едет на колёсах...

СВЕТА. (Всплескивает руками, хохочет) Как в сказке!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Печка на колёсах, каша на ходу варится. Впереди - труба дымит, позади - телега с дровами. А моя Маруся у трубы сидит. Я как-то залез с ней словечком перекинуться. Соскочил, а у меня впереди-то овчинный полушубок и скоробился. К топке слишком близко прижался. А Маруся хохочет, вот как ты сейчас. Сколько их полегло на кухнях. Они ведь всегда были на передовой. Солдат-то кормить надо. Когда бои сильные, то обоз с кашей подъезжал до рассвета и вечером, как солнце

сядет. Она всегда на передовую стремилась, если я там был. А когда стихало, то свидания назначали.

СВЕТА. Свидания? На войне?

Входит в квартиру Галина с пакетом. Никто её не замечает. Она ставит пакет и остаётся в прихожей, прислушивается к разговору.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Так жизнь ведь не остановишь. Все ж молодые, в основном, были...

СВЕТА. А где свидания?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Просто у берёзы... Я ту берёзу не забуду... После боёв она, та берёза, одна стоять осталось, а всё кругом выжгли...

СВЕТА. Ты на Марусе женился бы?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Таких разговоров не вели.

СВЕТА. Почему?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Чтоб пожениться, надо было в живых остаться.

СВЕТА. А Маруся?..

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не уберёг.

СВЕТА. А как ты мог уберечь, если война?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Такое дело получилось. Она ребёнка ожидала. Надо бы в тыл. А она тянула, хитрила, скрывала, не хотела расставаться. Я уговаривал, а надо бы заставить. И вот, во время боя, поползла с термосом каши к нашему миномёту. Волновалась, что я почти сутки не ел. Женщина, она всегда женщина. Ну и вот... Почти доползла... У меня на руках и ушла... Сам и хоронил, и её, и дитя в ней, не рожденное...

СВЕТА. Папа, если у меня будет дочка, назову её Марусей. Хочешь?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Спасибо. Но это ещё когда будет? Дожить бы, порадоваться бы на внучку Марусю.

ГАЛИНА. (Входит с весёлым видом и запевает) Маруся! Грустит и слёзы льёт! Маруся... Сейчас около этих военно-полевых жён такие нюни разводят... А по-нашему, блеть, она и на войне блеть! А?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Встаёт) Не задевай!

ГАЛИНА. Её не заденешь! Её, уж полвека как нет! А я – вот она! Твоя жена! И будь любезен, уважай! Ты на мне женился, а не на детях. И уважай!

СВЕТА. (Вскакивает) Мама! Мы тебя ждём, а ты где-то шляешься!

КОСТИК. Папа, успокойся. Мама выпила. Ты же знаешь, сама после пожалеет, что наговорила!

ГАЛИНА. И не шляюсь нигде, и не жалею, не зову, не плачу! (Смотрит в зеркало) Ой, морда красная какая! Для вас и ходила, а вы и ругаетесь! Да. Не отрицаю! По пути магазин... Я бутылочку пивка расцеловала... В честь дня любимого супруга и вашего отца... то есть, отца моих детей... Запуталась! Одну, другую бутылочку! Знатное пиво - девятка! И чуток градусной Балтики! А теперь надо стопочку беленькой! (Наливает) Будь здоров, Вася! (Выпивает) Теперь в пузе ёрш плавает! Теперь я под шефе! Сейчас восстановлюсь! Всё под контролем! Все остаются на местах! Огонь! (Быстро выпивает ещё одну).

КОСТИК. Mam, уймись! (Быстро бежит в “детскую” и возвращается с книгой.) Все за стол! Все в сборе. Папа, разреши тебе - вот, наш общий, от всех.

ГАЛИНА. Вот и я говорю: книга - лучший подарок!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Рассматривает книгу) Ну, спасибо... давно мечтал... Къёзо “Прощай, Россия”... Ну, буду теперь читать...

СВЕТА. (Бежит в “детскую”, достаёт из стенного шкафа сапоги и военную форму на вешалке и возвращается) И вот ещё наш подарок!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ну? Никак моя гимнастёрка!

ГАЛИНА. Ловко! Это мы с ней старый хлам разбирали на выброс, а она и припрятала! А я-то гадала, чего она там, запершись, всё на машинке строчит да прячет. Тихоня!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Гляди-ка, и гимнастёрка, и рубашка, и брюки отутюжила, и сапоги, как новенькие, блестят. И знаки отличия правильно нашила... И подворотничок свеженький... Золотые руки у тебя, доченька, и сердечко золотое!

КОСТИК. Надень, папа! (Тянет его в “детскую”)

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Придётся, видно, надеть... Только будет болтаться... Я с тела спал с тех пор... (Уходит за Костиком в “детскую”, там с его помощью передевается) Чего-то я разволновался... Гляди-ка, рубашку по мне подогнала! В самый раз!

ГАЛИНА. И у меня подарок. Дали в домоуправлении. (Приносит из прихожей пакет)

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. А ремень другой... Но правильно подобран.

ГАЛИНА. (Извлекает содержимое пакета на стол) Вот он презент ветерану на годовщину великой победы! Календарик... женский... Буду читать. Я люблю календари читать. Чай со слоном. Макароны. Гречка. Кабачковая икра. Цвет какой-то не тот. Не просрочена ли?

СВЕТА. Мам, чего устраиваешь? Убери!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ну, как гимнастёрка, ладно сидит?

КОСТИК. Во! (Показывает большой палец)

Костик выводит Василия Михайловича в залу.

ГАЛИНА. Ой, ёж твою! Какой мужик-то ещё у меня! Бабы, мрите от зависти!

СВЕТА. Папа! У тебя такой бравый вид!

ГАЛИНА. Ну, маршируй, солдат! Чего робеешь?

КОСТИК. Выдай, папа, как положено - сто двадцать шагов в минуту!

И Василий Михайлович вдруг взял и замаршевал на месте под припев строевой песни своей молодости: “Белоруссия родная, Украина золотая, наше счастье молодое мы стальными штыками оградим!”

Все смеются.

СВЕТА. Пап! Вот так и пройдишь на параде! В форме рядового!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не положено. Уволен из армии без права ношения формы!

ГАЛИНА. А вот тебе ко дню Победы подарочек от властей!

КОСТИК. Чего это? Как будто мы голодаем?

ГАЛИНА. Вот и я там говорю: чего это за казёнщина? Поэлитней бы надо чего положить; пластиночку рыбочки хорошей, язычок, допустим, кофейку, чайку подороже, соки, фрукты... Чтоб ветераны почувствовали, их вспомнили, уважили... А эта, которая выдаёт, мне и говорит: надоели эти ветераны, лучше бы не побеждали, жили бы мы сейчас, как в Германии! А теперь из-за них, хуже, чем Африка живём.

СВЕТА. Мам, зачем повторяешь?

ГАЛИНА. Да ведь и правда - жизнь никуда не годная! (Василию Михайловичу) Чем гордишься? Такую ты жизнь планировал, когда воевал, когда вкалывал, как дурак?

Надежда Птушкина. *Не лучшее утро нашей жизни.* <http://ptushkina.com>

Городили, городили, а развалилось просто! За что воевал? Что завоевал? Где твоя Белоруссия родная? Украина золотая? Вот и слушают вас только раз в год - в День Победы! И то из вежливости! А чего вас слушать? Что вы сказать-то можете?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Простите... Простите все! Виноват, что воевал не так... что целину подымал не так... Виноват, что свято верил в Сталина и партию, и веры своей не предал! Виноват, что Родину любил больше жизни и гордился ею! Виноват, что жил неправильно, работал неправильно и любил неправильно! Виноват, что дожил до сегодняшнего дня, и всякий может меня презирать за всё это! (Быстро уходит)

СВЕТА. Папа!

КОСТИК. Папа, подожди!

Оба бегут за Василием Михайловичем и сталкиваются в дверях.

КОСТИК. Светка, стой! Тебе вредно психовать! Я сам догоню его! (Убегает)

ГАЛИНА. (Сварливо) Чего это тебе, психовать вредно? Психовать ей вредно, видите ли! Министра какая тут у нас объявилась!

Света, молча, смотрит на неё.

ГАЛИНА. Обиделись господа!.. Да! Я - человек горячий!

Света, молча, убирает со стола.

ГАЛИНА. (Подперев голову, во весь голос запеваёт) “Белая берёза, я тебя люблю, протяни мне ветку нежную свою! Без любви и ласки пропадаю я...”

СВЕТА. Сделать тебе кофе покрепче?

ГАЛИНА. Кофе на хрен! На сердце бьёт. Я лучше водочки. (Неожиданно заискивающе) Последнюю. Я дозу знаю.

СВЕТА. Зачем ты на папу так? Испортила день рождения.

ГАЛИНА. Ничего, у него же не круглая дата. (Наливает себе стопочку)

СВЕТА. (Сразу, как она налила.) Водку уберу?

ГАЛИНА. Пусть стоит. Кому она мешает?

СВЕТА. (Строго) Мама!

ГАЛИНА. (Очень искренне) Вот только положительное начало во мне зашевелилось, а ты с упрёками!

СВЕТА. (Станным голосом) Ой... (Замирает и вслушивается в себя, забыв про мать)

ГАЛИНА. Ну, чего ещё? (Глядит на дочь) Чего стряслось, спрашиваю?

Света мотает головой, оставляет всё, уходит в свою комнату, забирается с ногами на постель и замирает.

ГАЛИНА. Ты как матери отвечаешь? (Подумав, встаёт и идёт к Свете) Светик, не захворала? (Присаживается на краешек постели) Светик, ты ничего от меня не утаиваешь? Я чего-то встревожилась. Ты, если чего, скажи! Я ведь люблю тебя, просто завожусь с пол-оборота и скандалю, как сто чертей, наизнанку выворачиваюсь... Есть чего сказать, или мне померещилось?

СВЕТА. Есть.

ГАЛИНА. (Обнимает её) Ну и говори! (Гладит по голове) Красавицей выросла... Вся в меня! А характер в отца, никуда не годный, тихий, добрый... (Вздыхает) Ну, что на душе у нас?

СВЕТА. Я скажу. Но только ты отвернись, закрой лицо ладошками и не реагируй, пока до десяти не сосчитаешь. Обещаешь?

ГАЛИНА. По годам восемнадцать, а по уму четырнадцати нет.

СВЕТА. Обещаешь?

ГАЛИНА. Куда я денусь? Обещаю. (Поворачивается к Светке спиной и закрывает лицо ладонями)

СВЕТА. Мам?

ГАЛИНА. Ну?

СВЕТА. Готова?

ГАЛИНА. Ты прямо пугаешь. Говори!

СВЕТА. Будет ребёнок.

Галина вздрагивает.

СВЕТА. (Поспешно) Сначала до десяти сосчитай, а потом отвечай. Ты обещала!

Галина сидит, не отнимая рук от лица. Большая пауза.

СВЕТА. Мам! Мам, уж до ста наверное сосчитала. Ты чего? Сильно расстроилась?

ГАЛИНА. (Не отнимая рук от лица) Нет, сейчас в пляс пущусь!

СВЕТА. А я сначала даже жить расхотела...

ГАЛИНА. (Крепко обнимает её) Вот только этого нам не хватало! Никто не помер. Жизнь не стоит на месте, а продолжается.

СВЕТА. А теперь я так счастлива!

ГАЛИНА. А партнёр кто? С кем кувыркалась?

СВЕТА. Не хочу о нём.

ГАЛИНА. Женатик, что ли? Разведём!

СВЕТА. Нет.

ГАЛИНА. А чего глаз не кажет?

СВЕТА. Он никогда не узнает про ребёнка.

ГАЛИНА. Поругались, что ли?

Света молчит.

ГАЛИНА. Я это дело расследую. Надо разузнать про родителей. Какие сани, такие и сами. Ну, если семья положительная, со средствами и такое дело случилось, то надо, вам, доченька соединиться.

СВЕТА. Нет. Он для меня чужой человек.

ГАЛИНА. Зачем же от чужого-то рожать, девонька? Дождись своего! Рожать надо от любимого человека. Зачем смолоду ломать жизнь? Залетела, так не рожать же?

СВЕТА. (Другим тоном) Мама, положи руку вот сюда. (Берёт Марусину руку и кладёт себе на живот) Толкается...

ГАЛИНА. Это ж, на каком ты месяце?

СВЕТА. На пятом.

ГАЛИНА. Поздно вато для аборта... Ну да ничего! Медицина сейчас чистенькая, хорошенькая...Ничего, можно ещё сделать... А хочешь, я сама сделаю тебе вливание? Я умею. Ты и скинешь! Ну, выкидыш сделаем... Всё шито-крыто...

СВЕТА. Mam, ты чего его пугаешь? Он же всё слышит! Мы его защищать и любить должны. А ты убить предлагаешь? Ты чего?

ГАЛИНА. Ну... грех, конечно. Но без греха не прожить, Светик! Послушай внимательно. Сделаем тебе всё, как надо и пойдёшь в церкву. В каждой церкви есть батюшка. Он даст тебе книжечку. Встанешь на коленки и отмолишься. Не ты первая, не ты последняя.

СВЕТА. А, если бы Мария испугалась своего мужа и сделала аборт, что было бы?

ГАЛИНА. Я про эту Марию ничего, конечно, не знаю, но мой жизненный опыт говорит: другого бы родила, но уже от законного мужа. Ничего плохого не было бы. Жила бы себе благополучно, если не дура.

СВЕТА. Иисуса Христа бы не было... Представь себе, Иисуса Христа не было бы вообще!

ГАЛИНА. Эка, куда тебя занесло. И чего только в твоей голове шуруется! Конечно, молодёжь сейчас раскрепощённая, но всё ж таки надо что-то одно - или держать себя, или предохраняться.

СВЕТА. Я не виновата, мама!

ГАЛИНА. Да кто тебя винит? А только раз такое дело, то надо постараться замуж выйти, а не фыркать.

СВЕТА. Я выйду замуж только за хорошего человека.

ГАЛИНА. Да у них одно место хорошее, и то не у всех.

СВЕТА. Mam!

ГАЛИНА. Ну, не буду, не буду.

СВЕТА. За такого, как папа или Костик. Если повезёт, конечно. Вот тебе повезло.

ГАЛИНА. Мне повезло? Это я всю жизнь везла! Да, были у меня трудности в жизни, и Вася помог. Вас не обижал; наговаривать не стану. Но мужик должен быть мужиком. А он слабохарактерный! Приткнулся к тебе и Костику, а меня всю жизнь только из-за вас и терпел. Выпивала - терпел, ругала - терпел... Аборт от него сделала - опять стерпел. Хотя очень хотел, чтоб родила. О девочке мечтал...

СВЕТА. Эх, мама! Была бы сейчас у меня ещё сестрёнка...Как жалко!

ГАЛИНА. Вас на ноги поставить бы! Всё ведь на мне! Квартиру эту получила через свою энергию и знакомство. Кормила вас всех я!

СВЕТА. Почему ты? Папа всегда работал.

ГАЛИНА. А какой толк, что всю жизнь у станка прогорбатился? На хрена такая работа, которая дохода не приносит? Помнишь - нет, что у нас тогда на столе бывало? Икорка, балычок, колбаска, шоколадные наборы не переводились. Картошку жарила только по большим праздникам! А откуда бралось? Я с Кремля носила! С каждого приёма, считай, две сумки битковые. Вас всех в два горла кормила и соседям дефицитом приторговывала. Помнишь, нет?

СВЕТА. Ты для нас обедки собирала?

ГАЛИНА. Не перебивай! Слушай внимательно! Дело так. Накроем, как положено. Управление проверит. А, когда начальство упьётся, уестся, иду за добавочным вариантом. Слугам народа, мол, не хватило. Добавочный вариант полагался. Всё запакованное, запечатанное. И это уже - делили мы. А со столов, чего в слуг не влезло, шло уж господам: посудомойкам, там, уборщицам. Порядок был. Вот жизнь была! Хотя есть, что вспомнить!

СВЕТА. Что вспомнить? Икру? Так сейчас её навалом!

ГАЛИНА. Навалом-то, навалом, да что-то в наш рот не попадает. Не едим, а только глядим!

СВЕТА. Значит, мы ворованное ели?

ГАЛИНА. А как иначе? Зарплат таких, чтоб разносолами питаться, народ никогда не получал. Да и не было всего этого в магазинах.

СВЕТА. Ты воровала?

ГАЛИНА. Воруют воры, а солидные люди подворовывают... несут... крутятся...тащат... выгадывают...

СВЕТА. И все так жили?

ГАЛИНА. Не все, конечно, а кто поумней.

СВЕТА. И папа?

ГАЛИНА. Не-ет, наш жил честно, работал честно, а теперь хоть на луну вой! Что скопили, всё власть украла. А пенсия у него, сама знаешь. На паперти больше соберёшь. На кого тебе надеяться? На Костика? Так он свою семью заведёт, дай бог, чтоб своих детей прокормил. Разве дело - на него ещё обузу навешивать? Значит, снова мне головная боль? Я ведь и так надорвалась, за все работы хватаясь. То на рынке подряжусь торговать, а легко ли мне ящики-то ворочать? То по квартирам убираю, то вон всю зиму лопатой снег разгребала. Поясница редкий день не болит. А случись что со мной? Куда тебе с дитём? Я-то хоть пожила. Поела, попила, мир повидала... Пять раз в Стамбул моталась! Мужиков перепробовала не меряно. Гулять-то лучше, когда при тебе всё ж таки муж имеется.

СВЕТА. (Потрясённо) Ты папе изменяла?

ГАЛИНА. А что ж молиться на него? Икона он, что ли? Ты прикинь, он на двадцать пять лет старше меня! Нет, я его, как мужчину, не оговариваю. Он в этом деле ещё и до сих пор фору молодым даст, а только жизнь-то одна, Светик! И прожить её надо сладко! Так говорю?

СВЕТА. Ненавижу тебя! Ненавижу! Ты отца обидела! Он где-то ходит, как бездомный, у него может сердце от обиды болит. А ты сидишь тут, довольная и вспоминаешь, как изменяла ему! Ненавижу!

ГАЛИНА. Да я тебе про жизнь пояснить хотела, в общих чертах про жизнь...

СВЕТА. Ненавижу! Я такую жизнь ненавижу! И тебя ненавижу! Отойди от меня! Видеть тебя не могу! (Вскакивает и убегает)

ГАЛИНА. (Вслед) Чего двери не закрываешь? В метро родилась, что ли? (Смотрит на дверь в надежде, что Света вернётся, но из упрямства не бежит за ней.)

БЫК. (Входит) Есть кто живой??

ГАЛИНА. А-а... опять ты! Гость явился, а я Солоха Солохой! (Кидается к зеркалу, поправляет волосы, как-то рывками что-то на себе одёргивает, отряхивает, подскребает ногтем) Сейчас... сейчас... Наводи марафет или так гуляй, а жизнь всё одно - проскочила! (Подходит к порогу) Да ты проходи! (Суетится, бросается к столу, отодвигает для него стул) Давай, давай, садись вот! (Всё так же суетливо и поспешно наливает) Водочки с тобой примем! А то я из-за этой водки, пропади она вся,, измучилась со своими. Все непьющие. Прикинь? (Подходит к нему с двумя стопочками) Ну, со свиданьем!

БЫК. Некогда.

ГАЛИНА. Много ли времени надо - стопочку-то опрокинуть! Давай! А то я, видишь, всех своих разогнала.... Я под шефе, как вихрь становлюсь... Чего к порогу приклеился? Вот твои сто грамм и проходи!

БЫК. Я на джипе!

ГАЛИНА. Так не ты джип на себе потащишь, а он тебя! На джипе, ёж твою! Ну, молодец! Рада за тебя! Развиваешься помаленьку! Я ведь тебя ещё на жигуле помню!

БЫК. Как наши дела?

ГАЛИНА. Так я ж тебе и говорю - дела неважные. Так будешь пить?

БЫК. Нет.

ГАЛИНА. Тогда, извини! (Выпивает одну стопку) Видишь, всех разогнала. Я выпью чуток, так становлюсь не женщина, а коррида.

БЫК. Деньги готовы?

ГАЛИНА. Куда твои деньги денутся? Не надумал насчёт стопочки-то?

БЫК. Сказал же, тороплюсь...

ГАЛИНА. Ну, тогда ещё раз извини! (Выпивает вторую стопочку) Ну, спасибо, что не забываешь, заглядываешь! Ну, не буду тебя держать, раз торопишься. (Распахивает перед ним дверь и протягивает руку для прощания.)

ПАУЗА. Бык не двигается и смотрит на Галину в упор.

ГАЛИНА. А-а, ты чего-то насчёт денег?... Я у тебя заняла три тыщи! Так, говорю? Тыщу вернула! Помнишь, иль нет? Сразу после Нового года отдала. Моя Светка тебе эту тыщу прямо на квартиру возила. Так говорю?

БЫК. Ну?

ГАЛИНА. Чего нукаешь? Помнишь, нет?

БЫК. Ну, помню.

ГАЛИНА. Значит так! (С видом человека, принявшего нелёгкое решение, но зато нашедшего единственно правильный выход, долженствующий удовлетворить всех) Товару у меня в дому, кожаных плащей этих, на тыщу! (Ставит стопки на стол, распакивает стеной шкаф и вынимает пять вешалок с плащами разного размера и сваливает на стул) Тут больше, чем на тыщу... да где наша не пропадала! Глянь, какие плащики! (Надевает на себя самый большой и прохаживается перед Быком) Сама бы носила, да денег нет! (Берёт другой плащ, тоже большой) А этот мужику моему бы подошёл! (Напяливает сверху того, что уже надет) Глянь! Неплохо смотрелся бы на нём! Ладно, пусть в своей шкуре дохаживает. (Берёт третий плащ, поменьше) А этот Светке хотела подарить! Молоденькая ведь... Ну да ладно... (Надевает сверху) Глянь! Может, оставить ей? Ладно, ещё успеет... Этот Костику предлагала... Отказался... А чего - плащ, как плащ... (Втискивается в четвёртый плащ) Как твоё мнение, а? (Берёт пятый плащ) А этот вообще из моды не вышел... (Напяливает и смеётся) О, вот так я их через таможню переправляла! На себе! (Решительно) Забирай весь товар! Сейчас и упакую! (Расстилат на полу рулет обоев) Ничего, что в обои? Мой мужик ремонт здесь затевает. (С трудом выпрастывается из первого плаща) Помоги, чего глядишь?

Бык не двигается.

Галина высвобождается из плащей, и это похоже на акробатический трюк, выполненный неуклюже.

ГАЛИНА. Ой, треснуло что-то! (Рассматривает) Ничего, не заметно... (Быстро складывает плащи, заворачивает в обои и подаёт Быку) Забирай товар!

БЫК. (Угрожающе) Чего?

ГАЛИНА. Да погоди! Ты не понял! Товар в залог отдаю! Вот чего! А деньги сами по себе! Я - что? Взял - отдай! Так, говорю?

БЫК. Вот и отдай.

ГАЛИНА. Это конечно! Я постараюсь поработать, накрутиться... Я в свою фортуна верю! Свои долги всю жизнь отдаю. Я сама ведь из дворян. Мои оба отца были бело-костные! А сам ты - из дворян или как? Наверно, ты из дворян... Такой у тебя профиль дворянский... И сам дворянистый... Вот и слушай меня! Надо тебе немного погодить... А я отдам! Даже не сомневайся!

БЫК. Утомила, мать!

ГАЛИНА. Не перебивай! Слова сказать не даёшь! Не хочешь товар - не надо! (Опрокидывает ещё стопочку) Так, о чём мы с тобой? Тыщу, значит, отдала? Светка передала тебе?

БЫК. Ну?

ГАЛИНА. Это я так, на всякий случай...Доверяй, но проверяй... За детьми глаз да глаз! Две тыщи остаюсь в долгу? Так, говорю?

Бык демонстративно вздыхает.

ГАЛИНА. Ну и всё! Ну, и договорились, слава Богу! (Снова протягивает ладонь для прощания)

БЫК. (Ёрничает. Демонстративно берёт её ладонь и заглядывает в неё, как бы ожидая, найти деньги.) А денюжка где?

ГАЛИНА. Опять двадцать пять! Я ж тебе упорно толкую - отдам твои две тыщи! Ты, главное, не нервничай! У меня сын, вроде тебя, тоже такой нервный.

БЫК. Ясно. Будем трясти сына!

ГАЛИНА. Ты чего, Бык? Они и не в курсе никто у меня! Я тебе потрясу! Только попробуй, Бык, подступиться к ним! Сама угроблюсь, но и тебя утащу! Я подымусь и отдам твои две тыщи! (Пинает ногой свёрток с плащами) Вот он весь товар! А всё остальное оптом азербайджанке отдала, дешевле, чем купила. Потому и смогла тыщу вернуть. А насчёт плащей не столковались... Я пятьсот просила, а она давала триста... Я виновата, что ли, что доллар за миг втрое подскочил? Всю Россию на деньги кинули! Весь народ пострадал! Власть на то и власть, чтоб на народ плевать! А народ должен меж собой по справедливости, жалеть друг друга, выручать... Так, говорю?

БЫК. Бери, где хочешь, но чтоб сегодня вечером деньги были. Или...

ГАЛИНА. (Перебивает) Да погоди ты! Слова не даешь сказать! Перебиваешь и перебиваешь? Не чужие ведь! Сколько уж корешимся? С тех пор, как я ещё в Лужниках начинала на чужом товаре, на хозяина батрачила! Так, говорю? Помнишь или как? Я тогда быстро подучилась всему, я ведь не без глаз, не без ушей! Сам же, приглядел меня на рынке и предложил почелночить из Стамбула! Сам же, и баксы на почин одолжил! А уж в Стамбуле я не растерялась, магазинчик нарыла при фабрике. Раз-раз, туда-сюда обернулась, и с тобой рассчиталась, и себя не обидела. Так, говорю? Ну, и спасибо тебе! Хорошее время было! Снежок расчистишь, ящичек установишь, товар разложишь, сама на баулах рассядешься... На уголке ящика расположишь шашлык горячий, сольце там, водочку само собой... Сигаретку в зубы - и вперёд, за работу! Я тогда "Море" курила... длинные... в красной пачке... Помнишь? Те, что без ментола... Я ведь в любую жизнь вписаться могу! Если меня не долбить.

БЫК. Деньги будут сегодня?

ГАЛИНА. Сегодня не обещаю. Не хочу врать. Да ты не ездь ко мне, не беспокойся. Будут деньги, сама тебя найду!

БЫК. Тогда забираю у тебя эту квартиру.

ГАЛИНА. Погоди, Бык! Не нервничай! Молодой, а такой несдержанный! Давай по справедливости! Главное - справедливость! Так, говорю? Без справедливости и я погибну, но и ты погибнешь. Ты ещё зелёный, не соображаешь. Несправедливость, она

как ржа, всех нас сожрёт! Сперва, меня, конечно, но после - и тебя! Вот такая песня получается! Так что лезь в свой джип и кати! А я с деньгами воспряну, и на постепенном расчёте, частично, всё тебе до копеечки. Да что ты стоишь передо мной, как дерево с глазами? Проникнись, чего говорю!

БЫК. Завтра переоформляем квартиру, а через неделю - съезжай!

ГАЛИНА. Да разве ж я одна здесь?! У меня ж семья! Куда нам? На улицу?

БЫК. Твои проблемы.

ГАЛИНА. (Показывает ему кукиш) Вот тебе, а не квартиру! (Орёт) За две тыщи квартиру ему отдай! Умный какой! Не съедем! Что ты мне сделаешь? Убьёшь?

БЫК. Слушай, я не шучу с тобой.

ГАЛИНА. Убьёшь? За две тыщи? Не верю!

БЫК. Какие - две? Процент забываешь?

ГАЛИНА. Насчёт этого не спорю! Уговаривались под десять процентов... Так, говорю? Значит, это ж сколько... (Загибает пальцы) Ёж твою! Скостил бы, сыночек!

БЫК. Тебе уже год счётчик щёлкает, уж две такие квартиры нащёлкал...

ГАЛИНА. Гляди-ка, две! Где ж мне для тебя вторую искать? Может, тоже кого убить!

БЫК. Вторую прощаю.

ГАЛИНА. Ну, спасибо! Мне - что, башку себе оторвать? Ты чушь-то не мечи! (Говорит горячо и убедительно) Куда нам всем? Как мы без крыши над головой? Сын-студент, завершает образование! На юриста! Хочет в судьи! Да кто его в судьи пустит, если он на вокзале пропишется? Подумай своей головой! Промысли в перспективу! Надо тебе, по твоим делам, с будущим судьёй ссориться?

БЫК. Мать, заканчивай!

ГАЛИНА. Какая я тебе мать? Я к тебе не то, что в матери, я к тебе в тёщи не пойду!

БЫК. Вечером заеду за деньгами!

ГАЛИНА. Да что мне убить кого, ограбить? Да погоди ты! (Хватает его за рукав) А муж мой? Ему за семьдесят! Он в семнадцать лет на фронт ушёл! Ты в семнадцать, где был? А он фашиста побеждал! Да, если б не он, где бы ты сейчас на своей джипе рассекал?

БЫК. Мне пора, мать.

ГАЛИНА. Погоди! Главное - слушай! Хоть ты человек посторонний, но, слышь, чего скажу - моя Светка-то того...

БЫК. Чего?

ГАЛИНА. Ну, того... Хорошая девчонка, сам знаешь, а вдруг ни с того ни с сего - того...

БЫК. Чего?

ГАЛИНА. Беременная - вот чего!

БЫК. Ну и чего?

ГАЛИНА. Как - чего? Дитя будет. Она на пятом месяце. Поздно уж что-то думать. Рожать будем. Понял, нет?

БЫК. А я причём?

ГАЛИНА. И ей - на вокзал? С дитём? (Решительно наливает) Вот тебе стакан водки! (Берёт большой нож и подходит к нему) И вот тебе нож! Выпей для куражу и режь меня!

БЫК. (Чуть отступает) Кончай, мать! Взбесилась, что ли?

ГАЛИНА. (С маху швыряет стакан с водкой оземь) Ва-банк пойду! Рог в рог, на хрен! (Засаживает нож в дверной косяк) В уголовщину тебя сдам, не спасуюсь! (Орёт) У меня в милиции блат! И в кремле - блат! Да за моего мужа все генералы подымутся! Я

Надежда Птушкина. *Не лучшее утро нашей жизни.* <http://ptushkina.com>

тебя угрожаю! (Внезапно перестаёт кричать) Бык! Человек ты или как? Говорю же ясно - нет денег.

БЫК. Слушай внимательно. Или деньги, или квартира. Ладно, даю два дня.

ГАЛИНА. погоди, бык! Что я за два дня сделаю?

БЫК. Всё. Последний срок. И давай без фокусов. Я не шучу. (Поворачивается и уходит)

ГАЛИНА. (Прислоняется головой к косяку) Господи, Иисусе Христе! (Вскидывается, бежит к шкафу, встаёт на колени, выдвигает ящик, достаёт икону, протирает её рукавом и глядит на неё) Господи! Где же справедливость для обыкновенного человека? Господи, ну, уделай ты меня на хрен! Только детей пожалей! Они хорошие, сам знаешь! Да погоди, не перебивай! А мужик мой? Он воевал честно, после - работал честно... Детей вырастил честно... считай, чужих.. Меня пятнадцать лет терпит. Да он же святой! Что ж ему теперь под забором сгинуть? Как я им всем в глаза посмотрю, что без крова их оставила? Да погоди, не перебивай... Ты выслушай! Вот что! (Садится за стол, прислоняет икону перед глазами, наливает себе ещё стопочку и опрокидывает) Извини! Я - дура, меня и карай! Так, говорю? (Бросается на колени перед иконой) Господи, не дай им погибнуть! Пошли хоть чуток справедливости! Господи, спаси нас! Чем хочешь, клянусь, никогда их больше не обижу! Слова им грубого не скажу! Не допусти, чтоб я их погубила! Давай меж нами уговор заключим! Я год водку в рот не возьму, только пиво... А хрен с ним, с пивком... И пива не возьму! А ты мне помоги! Господи, справедливости прошу! Больше ничего не прошу! Знаю, и без меня к тебе нынче очередь! А только, дай справедливости! (Рыдает) Не мне одной, а всем людям дай справедливости! За всех прошу!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Прошёл один день.

9 мая.

Работает телевизор. Идёт трансляция с мест празднования.

Та же самая квартира, но теперь наведён кругом идеальный порядок.

Посреди стола - цветы в вазе. Света сервирует стол. Галина домывает полы.

ГАЛИНА. Главное - нос не вешать! Бог не выдаст - свинья не съест! Явится отец домой хоть нынче, или как?

СВЕТА. Он и Костик скоро придут... я надеюсь.

ГАЛИНА. А то я цветы купила. Подходящие цветы, или как? Последние деньги махнула на цветы! Ну что, скажем ему, что скоро дедом станет? Пусть радуется. А где он эти две ночи-то провёл, не знаешь?

Света молчит.

ГАЛИНА. Хорошо бы девочку родила! Теперь медицина заранее знает, девочка или мальчик. Надо пойти спросить! Ой, Вася обрадуется! Вы с Костиком ему, всё же, как бы, не совсем родные, а внучка будет, как бы уж, полностью родная.

СВЕТА. Родней меня и Костика у папы никого нет.

ГАЛИНА. А ты не осуждай! Вася не одобряет, когда мать осуждают. И будем мы с Васей дед да баба! Только бы он домой явился! А в параде-то шёл? Я все глаза в телевизор просмотрела, но что-то Васю не показали. А сама как себя чувствуешь? Спрашиваю, как чувствуешь?

СВЕТА. Хорошо.

ГАЛИНА. Ты себя теперь беречь должна. Нам с дедом ребёночек нужен здоровенький. Вот правильно я настояла, чтоб ты свою зарплату складывала. Теперь ещё, декретные какие никакие выпишут - и закупим приданое. Так что ты уж эти деньги не трать, а то пока надеяться не на что... Так, говорю? Что с тобой? Вчера какая-то возбуждённая была, то названивала, то бегала куда-то, а сегодня опять тишком. Ты не задумала от ребёнка избавиться?

СВЕТА. Мама!

ГАЛИНА. И не думай даже! Мы с дедом вырастим... Я нынче всю ночь ворочалась, а потом рассвело, птички запели... А я лежу и думаю; нет, это не лучшее утро нашей жизни... Просто, край пришёл... А потом вспомнила, что дитя будет, и так просветлело на душе... И я взбодрилась - не пропадём, жизнь продолжается... Главное - беречь гнездо и не сдаваться. Так говорю? Вот Костик на меня обид не несёт, а ты обиду держишь. А я вас никогда не бросала, зря ты меня сторонись всю жизнь. Вот ты не перебивай! Было так. Костика я родила по молодости и неопытности. Была я тогда судьбой заброшенная в Курскую область. Работала продавщицей, а угол снимала у бабульки. И эта же бабулька, царствие ей небесное, за Костиком присматривала.... Однажды я засиделась в магазине допоздна, делала отчёт. После, заперла магазин, как положено, и - домой. Можно было по просёлочной, но это километра три. А хочешь - короче. По мосточку, через карьер. В этот карьер сливали химию всякую, отходы с завода. И мосточек, просто доска широкая, без перил. С одной стороны верёвка, чтоб держаться. Дошла я до середины, а с другого конца двое... Я к верёвке-то приткнулась, чтоб пропустить... А они раз и встали у меня с боков. Один приставил нож мне к шее : давай, мол, ключи от магазина! Я, как вдарю ему по руке, а он и рухнул в карьер! А Надежда Птушкина. *Не лучшее утро нашей жизни.* <http://ptushkina.com>

другой как развернулся, да как вмазал мне в лицо! И уж не знаю, как сама удержалась! Да ещё его толкнула! И он в жижу! А там глубоко было! Не помню, как добежала! Бабка свет включила, так прямо закричала! Я вся в крови. Стала умываться, рассказывать, а тут её сын входит. Он только-только с целины вернулся. Послушал и говорит: уезжай - тебе или отомстят за этих, или в тюрьму присудят. А сынишку пока тут оставь, мы присмотрим. И сам до Москвы довёз. Вот так я с Васей и познакомилась. А в Москве тебя родила. И тоже нечаянно. А, когда бабулька умерла, я поехала с тобой Костика забирать, а Костик меня дичится, а Васю батей кличет. Вася мне и говорит: оставь девчонку. Плохо, что брат с сестрой врозь. Ну, я и... думала, без вас мне проще жизнь устроить... Ездил к вам, ездила, а Вася и говорит; что ты всё туда-сюда, давай поженимся! И с тех пор я за ним, как за каменной стеной. А ты думаешь, вернётся или как? Глянь! Причёску соорудила. Чего не скажешь ничего насчёт вида?

СВЕТА. (Смотрит) Мать, ты как пугало с этой причёской!

ГАЛИНА. (Сбилась с тона) Да? (Подходит к зеркалу) И вообще, как пугало. И вообще, из-за этой водки голова трещит нестерпимо.

СВЕТА. С утра уже успела?

ГАЛИНА. Если б выпила, то голова, наоборот, не болела бы. А в том-то и беда, что не выпила.

СВЕТА. (Подходит к ней, берёт расчёску) Давай попробую хоть что-то исправить. (Занимается её причёской)

ГАЛИНА. Вот спасибо! А то подцепит Васю фронтовичка какая-нибудь... Я на них насмотрелась, такие ещё бодрые и шустрые. И поговорить им есть о чём. Они про войну никогда вспоминать не перестанут. А я всё ж таки на двадцать пять лет моложе. Когда мне тридцать было, а ему пятьдесят пять, это был мой плюс. А теперь, когда мне полтинник, то уже минус. Уже нельзя бдительность терять. Мужик, он себе и перед смертью бабу найдёт, а женщине в любых годах непросто. А когда ума и опыта наберёшься, то тут уж внешность на спад идёт. (Про причёску) Ой, а ты не слишком смело... такой вид, будто я две недели вообще не причёсывалась.

СВЕТА. Так модно. И тебе хорошо.

ГАЛИНА. Вид задорный получился. Спасибо тебе! (Быстро целует Свету) Ой, дверь ключом открывают! (Хватает цветы со стола и бросается навстречу.)

Входит Костик со свёртком в руках. Протягивает его Галине.

КОСТИК. Папина форма...

ГАЛИНА. (Криком кричит) Что случилось? Говори, что случилось? Что с отцом? Где он?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Входит в том же костюме, что и в первой части) У почтового ящика задержался. Чего так кричишь?

ГАЛИНА. (Прямо с цветами бросается ему на грудь) Васенька! Голубчик! Вернулся!!!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Несколько смутился) Что с тобой? Я же не с фронта, а с парада. Да и то зрителем был, в строй не доверили.

ГАЛИНА. Ты у меня всегда в строю! (Протягивает цветы) Вот! Поздравляю тебя! Для нас ты самый главный герой на свете!

Света вынимает из свёртка форму и вешает на видное место.

ГАЛИНА. Милости прошу, все за стол. У нас большой праздник! Садись, Вася, вот сюда, во главе стола. Это в честь тебя праздник. Костик, Светик - за стол! Вот, все в сборе. Моя семья! Весь народ празднует. И мы празднуем.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Да, мало нас осталось. Раньше фронтовики шли - дорога ломилась. В этот день на стулья - доски клали, чтоб все гости поместились. А сейчас напишешь кому письмо, а в ответ - нет товарища, ушёл. В другой раз и думаешь, писать или не писать. Что ж, мне не стыдно, как я прожил. (Галине) Ты ещё молодая, интересная женщина, детей мы вырастили. Пора... пора...

ПАУЗА.

ГАЛИНА. Нет, Вася, ещё дела для тебя только начинаются. Вот объявляю я тебе большую новость. В сентябре у тебя будет внучка. Или внук. Пока не уточнили ещё. Это наша Света постаралась.

ПАУЗА.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Так я чего-то не понял...

ГАЛИНА. Будем мы с тобой дед и баба! Жизнь наша с начала начинается!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не понял. Светик, ты рожать собралась?

ГАЛИНА. (Свете) Ну, чего покраснела? Дело житейское!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Светик, это точно?

ГАЛИНА. Чего молчишь, Светка? Ты нас не пугай!

КОСТИК. Да не волнуйтесь вы! Всё точно! Скоро будет тут мелкий носиться, всеми командовать! Молодец Светка!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Значит, и у меня внук будет. И на будущий год я пойду на парад и возьму его фотографии, всем покажу.

КОСТИК. Да ты его самого возьмёшь! Пусть получает военно-патриотическое воспитание!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Спасибо, дочка! Всем спасибо за всё!

ГАЛИНА. Ну, Костик, разлей водочки! Первый тост за победу!

КОСТИК. (Наливает всем водки) А тебе, Светик, морс!

ГАЛИНА. Ничего, можно и ей немножко!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. А вот Маруся, когда ребёнка носила... (Осекается)

ПАУЗА.

ГАЛИНА. Ну, морс так морс. И вот что! Первый наш тост за павших за Родину, за вечно молодых, за недолго бывших, за твою Марусю, Вася!

ТИШИНА.

И резкий звонок в дверь. Костик вскакивает открыть.

ГАЛИНА. (Пронзительным шепотом) Не открывай!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Что с тобой, Галя? Может, почтальон.

ГАЛИНА. Я завтра сама добегу до почты. (Костику, который стоит в нерешительности) Сядь! Не открывай никому!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Да что с тобой, Галя? (Решительно идёт к двери)

Галина с обречённым видом опускается на стул. Василий Михайлович открывает дверь. Перед дверью Беслан с пакетом фруктов в руках.

БЕСЛАН. Дедушка Василий? Салам алейкум!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. То ни одного внука, а то косяком пошли!

Галина подходит к двери.

БЕСЛАН. (Галине) Добрый день!

ГАЛИНА. Салам, салам, коли не шутишь!

Костик и Света тоже подошли к дверям.

БЕСЛАН. (Им тоже) Здравствуйте все! Как поживаете? Все ли здоровы? Как ваши дела?

СВЕТА. Это же Беслан! Ой, как я рада, что вы всё-таки приехали!

ГАЛИНА. А чего за причина у тебя, так радоваться?

СВЕТА. Папа, это же Беслан! Внук Тараса Богдановича Ступки!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Внук Тараса? Да ты же с дедом у меня в Курске гостил! Сколько ж это лет прошло?

БЕСЛАН. Лет двадцать, не меньше, мне кажется.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Какой гость дорогой! Что же ты перед дверью стоишь? Проходи! Добро пожаловать!

БЕСЛАН. Спасибо. Вот только обувь сниму.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не надо! Так проходи!

БЕСЛАН. Всё-таки, сниму. (Снимает ботинки и в носках проходит в квартиру)

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Дай, посмотрию на тебя!

СВЕТА. Вот, тапочки возьмите!

ГАЛИНА. А что же такие ботинки модные за дверью оставил? Мигом же сопрут!
(Вносит ботинки в квартиру)

БЕСЛАН. (Подаёт ей пакет) Вот, возьмите, пожалуйста, фруктов немного.

ГАЛИНА. А сколько взять-то?

Беслан смотрит на неё с недоумением.

ГАЛИНА. Ты сказал, возьмите фруктов немного. А сколько?

БЕСЛАН. Что вы говорите? Это всё вам!

ГАЛИНА. Ничего себе немного! Килограммов пять! (Уносит фрукты)

СВЕТА. Беслан, проходите, пожалуйста!

БЕСЛАН. Светлана, мои бабушка, мать и сёстры передали тебе подарок.

СВЕТА. Мне? Подарок?

БЕСЛАН. (Подаёт ей маленькую коробочку) Тебе! От чистого сердца.

Света и Галина рассматривают подарок.

СВЕТА. Серёжки! Какие красивые! Теперь прокалю уши!

ГАЛИНА. Золотые, с бриллиантиками.

СВЕТА. (Беслану) Такие дорогие? Не возьму. Неудобно.

БЕСЛАН. Не обижай! Носи на здоровье!

СВЕТА. Спасибо!

ГАЛИНА. Садись, дорогой гость, вот здесь, рядом со Светой!

БЕСЛАН. Большое спасибо! Я не голоден.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Посиди с нами, пожалуйста. Для меня большая радость, что ты здесь. Мы с твоим дедом почти всю войну прошли. Как там Тарас?

Надежда Птушкина. *Не лучшее утро нашей жизни.* <http://ptushkina.com>

БЕСЛАН. Плохие новости. Очень плохие. Вчера на рассвете дед умер. И мы его похоронили.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Обнимает его) Мир праху его! Пусть земля ему будет пухом!

БЕСЛАН. На всё воля аллаха!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Боюсь спросить. Отчего Тарас умер? Своей ли смертью? Ведь у вас там война.

БЕСЛАН. Слава аллаху, дедушка Тарас умер в своём доме, в своей постели. Возле него были внуки Лейла и Малика и правнук Султан.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Когда у вас ещё была первая война, я спросил Тараса, почему не уезжаешь. А он ответил:” Здесь мой дом, моя дочь, мои внуки и правнуки”.

БЕСЛАН. Мы все уговаривали дедушку и бабушку уехать из Гудермеса. Не навсегда, а только пока война. Сказал: ”Останусь охранять дом”. Очень переживал, что свои со своими воюют. Сердце не выдержало.

КОСТИК. Так ты к нам из Гудермеса?

БЕСЛАН. Да. (Василию Михайловичу) Дедушка вас очень любил и уважал, и много мне рассказывал про войну, про вашу дружбу.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Мы с Тарасом ещё по дороге в Саратов сдружились. Он с Украины от немцев бежал, и к нашей колонне присоединился. У него там вся семья враз погибла. И он такой замкнутый был. Отец мой сразу опекать его стал, жалел очень. Нас много было односельчан, друзья, родственники. Так Тарас всё возле нас. Мы с батей вместе на фронт пошли. Бате, сорок семь было, а мне семнадцать. Батя уже под призыв не попадал. А я - ещё не попадал. Но нам пошли навстречу, не под немцем же, оставлять? И шестнадцатилетние были, и даже пятнадцатилетние, и после пятидесяти. Шли весело, верили в партию, в Сталина, в победу. Шли попеременно с коровами, овцами. Их гнали с Востока, колхозы разбирали... Всё бросали; дома, пасеки... Избы стояли открыты. Ночуй в любой. В одной заночевали, так там ещё чугунок с квашнёй стоял. Батя лепешек нам наделал в темноте, смеху было! Ноябрь стоял сухой, тёплый, даже листья не облетели. А дошли до Саратова, там степи, морозы. Тем, кто пограмотнее, предложили в миномётчики. Я с педучилища, Тарас с консерватории, вместе пошли учиться на миномётчиков. Присвоили нам по три треугольничка. В первое-то время немец летал свободно. Многих сгубил. И взлетели почти все мои односельчане, родня и друзья на воздух. И батя... Тут Тарас меня поддерживал. А как твой дед пел! Как умел поднять боевой дух!

СВЕТА. На войне пели?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. А как же? (Засмеялся и спел) “Немцы рвались в Ленинград, и в Москву, чтоб на парад. Не прорвались их ряды ни туды и не сюды!” На фронте он и с бабушкой твоей познакомился. Она почтальон, а ему почты никогда не было. Вот и стала ему письма писать. А после войны увезла в Грозный, к своей семье. При его ранах уход серьёзный требовался. Дочку родили, замуж выдали за чеченца.

БЕСЛАН. Папа рано умер, и мама осталась с тремя дочками, и со мной. Я - старший. Нас растили дедушка с бабушкой. И братья отца помогали. У нас дружная семья. Мама до сих пор в госпитале работает. Всех лечит, не разбирается, кто есть кто. А дедушка говорил: “ я на войне просыпался с мыслью, откуда стреляют, и в конце жизни опять просыпаюсь и думаю - откуда стреляют, недалёт, перелёт...”

ПАУЗА.

ГАЛИНА. Ой, да что ж мы сидим за столом, а ни к чему не притрагиваемся? Все ж проголодались! Давайте прямо с горячего и начнём! Светик, поди, погрей картошку с котлетами!

Света уходит на кухню, ставит на плиту сковороду, достаёт тарелки.

КОСТИК.. А нас познакомить забыли.

Оба засмеялись и вскочили.

БЕСЛАН. (Протягивает руку) Беслан. Очень рад. Ваша семья для нашей семьи родная.

КОСТИК. (Крепко пожимает ему руку) Константин. Я тоже очень рад.

БЕСЛАН. В армии отслужил?

КОСТИК. Пока нет. Я студент.

БЕСЛАН. На кого учишься?

КОСТИК. На юриста. Судьёй буду.

ГАЛИНА. Ой, Беслан, голубчик, ведь у вас, у чечен...

БЕСЛАН. (С достоинством поправляет) У чеченцев...

ГАЛИНА. У вас всюду блат, вы такие предприимчивые... Как бы Костика от армии того... на хрен мне надо, чтоб сына в мирное время ни за что, ни про что на войне угробили!

Неловкая пауза.

КОСТИК. Мама... я хочу сказать раз и навсегда... я готовлюсь стать юристом... Всю жизнь буду следить, чтоб все равны перед законом и чтоб все следовали... Понимаешь, ничего нет подлее, если юрист сам нарушает закон... Всё равно, что врач, который убивает, или учитель, который растлевет детей...

ГАЛИНА. О, господи!

БЕСЛАН. Ты очень похож на своего отца. Сразу видно - отец и сын.

КОСТИК. (Смутился) Хорошо... (Увидел на руке Беслана часы) Какие у тебя часы классные! Дорогие, наверное?

БЕСЛАН. (Тут же снимает часы) Надень!

КОСТИК. (Надевает, рассматривает) Сколько прикамбасов всяких...

БЕСЛАН. Дарю. Носи на здоровье!

КОСТИК. (Быстро снимает и кладёт на стол) Что ты! Я не к тому!

БЕСЛАН. Возьми! От чистого сердца.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не обижайся, Беслан! У него уже есть часы. Память от моего деда. (Приносит часы, показывает)

БЕСЛАН. Хорошие часы. Старинные.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Павел Буре. Дедушка был солдат царской армии. Воевал в Японскую, и в Первую империалистическую. Охранял Ливадийский дворец в Ялте. Имел награды. Правда, в тридцать третьем все серебряные кресты пришлось сдать. Это не дело было, конечно, лишить героя наград. А часы спрятал, очень ими дорожил. Получил из рук самого императора, которого охранял. (Костику) Носи, сын!

КОСТИК. (Надевает) Спасибо, папа! (Обнимает Василия Михайловича)

СВЕТА. (Из кухни) Беслан, можно на минуточку! Вы мне не поможете?

БЕСЛАН. Конечно! (Идёт на кухню)

КОСТИК. (Рванулся, было) Я помогу!

ГАЛИНА. (Дёргает его и усаживает) Не тебя просят! Не суйся!

СВЕТА. (Беслану) Вот, держите две тарелки, а я буду класть. (Кладёт и говорит вполголоса) Беслан, я вам сейчас деньги за дорогу отдам.

БЕСЛАН. Что ты? Не надо денег!

СВЕТА. Но это ведь я уговорила приехать и сказала, что дорогу оплачу.

БЕСЛАН. Нет, не ты. У меня здесь свои дела.

СВЕТА. Но, ты же не хотел ехать. Говорил, не можешь. Я не знала, что вчера ваш дедушка умер. Прости, что настаивала.

БЕСЛАН. Я потом подумал и сам поехал. Всё в порядке. Не волнуйся ни о чём.

Возвращаются в комнату, ставят перед каждым тарелку с горячим.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Надевает Беслану часы) Спасибо тебе. Но сам носи!

БЕСЛАН. Хорошо. Пусть будет, как старший сказал.

ГАЛИНА. У всех всё есть. Водку пьёшь, Беслан?

БЕСЛАН. Почему - нет? В праздник можно/

ГАЛИНА. (Пропевает) Это праздник со слезами на глазах... Вот, наливаю тебе...

БЕСЛАН. Много не надо. Достаточно.

ГАЛИНА. Надо полную! Выпьем за павших!

Беслан мусульманским жестом проводит двумя ладонями по лицу.

Все смотрят на него.

СВЕТА. А у вас губы шевелились. А что вы сказали?

ГАЛИНА. Не приставай! Может, это тайна какая-нибудь.

БЕСЛАН. Нет, не тайна. Я просто сказал бисмилахирохманорхим и всё.

СВЕТА. А что это?

БЕСЛАН. Не знаю, как по-русски. Я благодарю всевышнего за еду и питьё.

ГАЛИНА. Чокаться не положено, а встать надо.

Все встали.

ГАЛИНА. Ну вот... Вспомним всех. Твоего деда Тараса, твоего отца, Василий, твою родню, односельчан и друзей, твоих боевых товарищей и командиров, любимую твою девушку Марусю... Вечная память, вечное уважение и вечная честь всем павшим защитникам нашей Родины!

Все молча, не чокаясь, выпили. Сели.

ГАЛИНА. Кушайте на здоровье! А то остынет. А я, уж извините, теперь буду пить только морс. Эту не имела права не выпить, а дальше только морс.

КОСТИК. Mam, давно ли ты начала извиняться, когда выпьешь?

ГАЛИНА. А у нас радость, Беслан! В сентябре ожидаем внука!

БЕСЛАН. Поздравляю всех. Значит, ты, Константин, станешь отцом?

ГАЛИНА. Нет, это Светик станет мамой, а я и Вася - бабой с дедом.

БЕСЛАН. Поздравляю, Светлана!

ГАЛИНА. Эх, если б она замуж вышла, я б ещё больше была довольна!

БЕСЛАН. Светлана очень красивая, и у неё добрая душа. Думаю, многие захотят назвать её женой.

ГАЛИНА. А вот чеченец, наверное, никогда не женился бы на девушке с ребёнком?

БЕСЛАН. Почему так говорите? Мой двоюродный брат, Аслан, женился на женщине с двумя детьми. Нашей маме много раз предлагали руку и сердце, а ведь нас у неё четверо. Но она осталась верна памяти отца.

ГАЛИНА. А сам-то женат?

Надежда Птушкина. *Не лучшее утро нашей жизни.* <http://ptushkina.com>

БЕСЛАН. Нет, не женат. Сначала выдал замуж сестёр...

ГАЛИНА. Всех выдал?

БЕСЛАН. Всех, да. Уже у всех дети есть.

ГАЛИНА. Так пора жениться и тебе! Сколько тебе лет?

БЕСЛАН. Тридцать три!

ГАЛИНА. И что ты себе думаешь? Тебе срочно надо жениться!

БЕСЛАН. Спасибо вам за заботу. Я согласен с вашими словами.

ГАЛИНА. Ясное дело - пора жениться. А вот у вас, если чеченец на русской женится, то плохо относятся?

БЕСЛАН. Почему - плохо? Моя мама - украинка, а папа - чеченец. Вся папина родня очень уважает мою маму. Она сама лечит всех наших детей. Ей больше всех доверяют.

ГАЛИНА. А женишься, небось, на молоденькой, чтоб слушалась тебя, уважала?

БЕСЛАН. Почему? Моей невесте тридцать лет. Она живёт в Петербурге. Мы познакомились в университете. Я уже заканчивал, а она как раз поступила. Она долго меня ждала. Я очень уважаю её за это. Мы должны были пожениться, но... умер дедушка... Я сейчас поеду к ней... Снова придётся отложить свадьбу.

ПАУЗА. Звонок в дверь.

КОСТИК. (Радостно вскакивает) Ещё гости!

ГАЛИНА. (У неё вырывается паническое) Не открывай! Мы никого не ждём!

КОСТИК. Но Беслана мы тоже не ждали! В День победы все приходят без приглашения!

Идёт открывать. Галина нервничает, тоже вскакивает.

Костик открывает. За дверью Репейников Анатолий Иванович.

Он явно перегружен коробками и пакетами.

КОСТИК.. Гости повалили! Я предупреждал!

ГАЛИНА. (Счастливым голосом) Толечка приехал! Какая радость! (Обнимает его, расцеловывает) Что же не предупредил?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Выходит навстречу) Какими судьбами? И не ждали, и не гадали!

АНАТОЛИЙ. Дядя Вася, вы живы? А я уж и не надеялся!

СВЕТА. (Тоже выходит и тут же старается замять разговор) Здравствуйте, дядя Толечка! Какой вы молодец, что приехали!

АНАТОЛИЙ. (Явно не ожидал такой бурной встречи, но, сразу же, начинает воспринимать всё, как должное) Билет брал перед самым отъездом, с рук взял... в кассе не было. У спекулянта взял... (глядя на Свету) Это дороже. И сразу по магазинам, хотел подарки купить всем... Да всё закрыто... Так, кое что взял, для своих, а вам даже ничего не нашёл подходящего...

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Проходи, проходи прямо за стол!

АНАТОЛИЙ. Вот только умоюсь с дороги. Света, покажи, как там что умыться.

СВЕТА. Идёмте, дядя Толя!

ГАЛИНА. Костик, поставь прибор для Толи! Куда его посадим?

Анатолий моет руки, Света стоит рядом с полотенцем.

АНАТОЛИЙ. Это прямо подвиг был выехать! Ты меня сначала напугала своим звонком.

СВЕТА. (Вполголоса) Тише! Не говорите никому, что я вас попросила. Вы сами захотели увидеть папу и приехали. Понятно?

АНАТОЛИЙ. (Вполголоса) А что с ним?

СВЕТА. Всё в порядке.

АНАТОЛИЙ. А зачем вызывала? Я уж думал, он при смерти, боялся не застать.

СВЕТА. А что, только на похороны надо спешить? А к живому можно не торопиться?

АНАТОЛИЙ. Это-то конечно... А как с этим? Ты по телефону сказала, что...

СВЕТА. Что?

АНАТОЛИЙ. Ну, насчёт... Сама понимаешь, моя зарплата не позволяет разъезжать, куда хочешь и когда хочешь...

СВЕТА. Конечно, конечно... Вот приготовила... (Даёт ему деньги)

АНАТОЛИЙ. (Держит в руках деньги) Я билет-то не в кассе брал... Получается на две сотни дороже... Мы с тобой, конечно, так не договаривались, но...

СВЕТА. Я отдам потом незаметно...

ГАЛИНА. (Подходит и замечает деньги в руках у Анатолия) Ой, Толечка, ты ей деньги даришь? Так нам кстати...

АНАТОЛИЙ. Нет, нет, я просто так достал... (Убирает деньги) В смысле, разменять попросил...

ГАЛИНА. Нечем нам менять. Сидим без копейки. Проходи к столу. Закусишь, чем Бог послал!

Проходят к столу.

ГАЛИНА. (Показывает на Беслана) Вот, знакомься. Внук Васиного однополчанина. Почти всю войну Вася провоевал вместе с его дедом, Тарасом Богдановичем Ступкой.

АНАТОЛИЙ. Очень приятно! Как же, как же, я в курсе... Вы - внук, а я - сын. С моим отцом Василий Михайлович тоже прошёл бок о бок всю войну. Мой отец вытащил Василия Михайловича, тяжело раненого, с поля боя, можно сказать, спас ему жизнь. И вот Василий Михайлович, слава Богу, жив и здоров до сих пор, а моего папы уже сорок лет нет с нами. Интересно получается, а? Вроде, как три поколения собрались. Василий Михайлович - ветеран, я - сын ветерана... (Беслану) А ты внук ветерана. И все мы друг друга понимаем...

ГАЛИНА. Раньше ты часто бывал в командировках в Москве, всегда заходил к нам, а теперь уж лет десять мы тебя не видели, не меньше.

АНАТОЛИЙ. Двенадцать.

ГАЛИНА. Садись. Будешь котлеты с картошкой?

АНАТОЛИЙ. Буду всё, и побольше! О, осетринка! Это моя слабость! (Галине) Когда ты в Кремле работала, ох я у вас рыбки-то поел! У тебя ел, когда приезжал, да ещё ты с собой всегда накладывала. Хорошее было время! А я фанат рыбы. Сесть могу не меряно! Вот был такой случай. Приехали мы там у нас на рыбалку... Ну, выставили водочку, закусочку... то сё...яички, помидорки... и была ещё осетринка, вот такая точно, только побольше... Тут, я прикидываю, грамм двести, а там у нас было... граммов семьсот... И я так же, как вот здесь, говорю - эх, осетринка, моя слабость... А мне говорят; ну, сколько ты её можешь зараз сесть? Да немерено, сколько дадите, столько и съем! Спорим, - говорят мне, - на бутылку коньяка, что ты даже вот эти семьсот граммов не съешь. Спорим, отвечаю... Мы беседуем о том, о сём под рюмочку, знаете, как это на рыбалке бывает... А я закусываю только осетринкой... И в такое мне это удовольствие! Только распробовал, а гляжу - нет осетринки... А где осетринка?

ГАЛИНА. Где? Где? Ты и съел!

АНАТОЛИЙ. О! Догадалась?

ГАЛИНА. А чего догадываться? Вот она, пустая тарелка! Хоть никто тут с тобой и не спорил! Передайте мне пустую тарелку! Унесу, чтоб места не занимала.

Беслан передаёт ей тарелку. Анатолий видит его часы.

Галина уносит тарелку на кухню, в раковину.

АНАТОЛИЙ. (Перехватывает руку Беслана) Погоди, погоди, дай полюбуюсь! Роллекс! Точно, как у нашего мэра! Всю жизнь мечтал о таких часах! А уж лет двадцать ношу свой Полёт. Больше стоят, чем ходят. В нём, видать, меня и похоронят.

БЕСЛАН. Пожалуйста, надень!

АНАТОЛИЙ. (Надевает часы) Если б я в этих часах в свою контору впентюхался, все б со стульев попадали!

БЕСЛАН. Это мой вам подарок. Ваш отец - однополчанин моего деда. Пусть вам будет память. Носите на здоровье.

ТИШИНА.

АНАТОЛИЙ. В каком смысле?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. У них обычай такой. Если что-то похвалишь, они сразу дарят.

АНАТОЛИЙ. Какой благородный обычай! Нет, я такой дорогой подарок взять не могу. Я согласен только на обмен. Вот тебе мой "Полёт".

БЕСЛАН. Согласен. Спасибо большое. (Надевает "Полёт")

АНАТОЛИЙ. Вполне приличные ещё часы. Сейчас таких не выпускают. И смотрятся хорошо!

ГАЛИНА. (Не сумев скрыть досады) И даже время иногда показывают!

КОСТИК. (Энергично) А можно я скажу тост, от имени, так сказать, молодого поколения?

Все смотрят на Костика. Василий Михайлович разливает водку.

КОСТИК. Я волнуюсь. Сейчас сосредоточусь.

ГАЛИНА. (Вертит рюмку в руках, в сомнениях) Морса выпить или уж водочки? А, как считаете, Бог есть?

СВЕТА. (Твёрдо) Есть!

АНАТОЛИЙ. Столько церковей на земле построено, столько войн было, евангелие, заповеди всякие... Что же, всё во имя того, кого нет и никогда не было?

ГАЛИНА. (Решительно) Выпью морс.

КОСТИК. Это здорово, что мы можем гордиться нашими отцами и дедами, которые... которые сумели построить великую державу... и умели её защитить... и умели любить женщин... и умели крепко дружить... И это не должно пройти бесследно!

ГАЛИНА. (Кладёт голову на плечо Василию Михайловичу) Вася, голубчик мой, зачем я не родилась лет на двадцать раньше? Пошла бы за тобой на фронт, хоть в огонь, хоть в воду... И называл бы ты сейчас меня своей фронтовой подружкой...И много чего помнили бы мы вместе...

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Давайте выпьем за победу!

АНАТОЛИЙ. За победу!

Все чокаются и выпивают.

АНАТОЛИЙ. Вот только тоже идеализировать не надо! Не все и тогда были герои. За всеми дивизиями шли войска СМЕРШа. И, попробуй, отступи! Расстреливали!

КОСТИК. Неправда!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Правда. Заградподразделения с июля 1942 года расстреливали отступавших. Был приказ Сталина. И это была необходимая мера! Кого

Надежда Птушкина. *Не лучшее утро нашей жизни.* <http://ptushkina.com>

призвали в первые дни войны? Многих от трактора, от плуга, морально невоспитанных... На войне не место либерализму и демократии. Приказ сыграл большую роль. Победили только благодаря Сталину и партии. Коммунисты были самые сознательные. В каждом подразделении старались побольше заполучить коммунистов. Потому что знали - не подведут.

АНАТОЛИЙ. Я тоже Сталина не осуждаю. Глава государства это не рубль, чтоб всем нравиться. Разве он допустил бы столько безобразия? Взять хотя бы Чечню. Он как сделал? В двадцать четыре часа всех их в Алтайский край, в Сибирь, в Казахстан... И семьдесят лет - тишина. А нынешние что вокруг Чечни развели... Ещё у Лермонтова сказано - "злой чечен". Чего с ними цацкаться? Бомбить, чтоб никого не осталось...

БЕСЛАН. (Тихо) Всех бомбить?

АНАТОЛИЙ. Конечно, всех!

БЕСЛАН. Мирное население, детей?

АНАТОЛИЙ. Да нет у них мирного населения! Все бандюги! Там пятилетний ребёнок уже держит автомат и в русских целится!

БЕСЛАН. (Встаёт) Простите, я не могу оставаться в этом доме. (Поворачивается и уходит)

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Бросается за ним) Погоди! Погоди! Ох! (Останавливается, хватается за сердце)

СВЕТА. Папа! (Бросается к Василию Михайловичу)

ГАЛИНА. Васенька! (Тоже бросается к нему)

КОСТИК. Не волнуйся, Батя! Я догоню, я верну! (Выбегает)

АНАТОЛИЙ. (Искренне) А что я такого-то сказал?

ГАЛИНА. Он же чеченец, пустая ты голова! Если бы ты не у нас в гостях, он бы тебя вообще зарезал! И правильно бы сделал!

АНАТОЛИЙ. (В недоумении) Чеченец? А на вид - приличный парень.

Возвращаются Беслан и Костик.

БЕСЛАН. Дедушка Василий, вам плохо? Я вас не виню.

АНАТОЛИЙ. (Подходит к Беслану и слегка толкает его плечом) Слушай, тебя как зовут?

БЕСЛАН. (Сухо) Беслан!

АНАТОЛИЙ. Я просто неумный человек. Понимаешь? Я не злой. У меня у самого внуку пять лет. Я... я кошку пнуть не могу, понимаешь? Я даже рыбу перестал ловить... Не я дал рыбе жизнь, понимаешь... И не мне отнимать эту жизнь... Я просто болтал... Я вообще не хочу, чтобы кого-то убивали... Я просто болтал, потому что я-глупый... И таких, как я - много, которые просто болтают, привыкли болтать, повторять за кем-то... Ты... это... не держи зла...

БЕСЛАН. Хорошо. Давай забудем! Я также ненавижу бандитов, как и ты! Понимаешь? И много людей, большинство людей ненавидят бандитов.

АНАТОЛИЙ. И вот часы твои... возьми обратно! (Хочет снять часы)

БЕСЛАН. Я не беру подарки назад. Я так не делаю.

АНАТОЛИЙ. (Ему очень неловко) Ну, что ж... прости...

БЕСЛАН. Я забыл. Я понимаю всё.

АНАТОЛИЙ. (Растерянно всем) Как же это, а? Что же мы такое позволили сотворить со всеми нами, а?

КОСТИК. Папа, с тобой всё в порядке?

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ничего, ничего, отпустило... Как твой дедушка пел, Беслан, как пел! (Возвращается к столу и неожиданно негромко запекает) Дивлюсь я на нибо, тай думку гадаю...

ГАЛИНА. (Сильно и широко подхватывает) К чему я не сокол, к чему не летаю...

БЕСЛАН. Дедушкина песня! (И тоже вступает в песню)

АНАТОЛИЙ. И мой отец любил её. (Вступает)

И Света, и Костик стараются подпеть...

Все поют... И набирает песня в их звучании всё больше красоты и скорби.

Звонок в дверь.

СВЕТА. (Радостно) К нам ещё гость! Это такой гость! Это сюрприз! (Бежит открывать.)

Открывает. Перед дверью - Бык.

СВЕТА. (Вскрикивает и отступает в квартиру) Ты?.. ты... как ты смел... сюда?

ГАЛИНА. (Быстро подходит) Кто там, Светик? (Останавливается перед Быком) Уходи! У нас праздник! Потом, потом разберёмся, уходи!

БЫК. Я предупреждал.

ГАЛИНА. (Словно набирает воздуха) Ах, ты так... Ну, тогда пойдём! (Хватает его за руку и тянет в "залу")

Пение оборвалось. Все смотрят на них.

ГАЛИНА. Люди добрые! Посмотрите! Защитите! Вот этот бандит хочет отнять наш дом и выбросить нас на улицу. Потому что я сейчас не могу ему вернуть долг. Две тысячи долларов! Он знает хорошо, что я всегда долги возвращаю. Но сейчас нет моей вины. Я уехала в Турцию за товаром, были одни деньги. Вернулась с товаром, а уже деньги другие. И все обнищали, и продать товар уже невозможно, даже по тем ценам, что купила! Я тебя обманула? Это власть всех обманула! А что ж ты, если такой смелый, не идёшь и не требуешь с властей? А?! Отвечай! Перед всем миром отвечай!

Все в замешательстве. Пауза.

БЕСЛАН. (Неожиданно встаёт и подходит к Быку) Беслан. (Протягивает ему руку)

Бык не реагирует.

БЕСЛАМ. Извини, но я тебя ничем не обидел. Давай познакомимся! Как тебя зовут?

ГАЛИНА. Бык! Бык он!

БЕСЛАН. Нет такого имени. Бык, это бык. Животное. Хорошее животное, но тут не причём. Как зовут тебя?

Бык молчит.

БЕСЛАН. Извини, если я тебя обидел. Не хочешь - не отвечай.

ПАУЗА.

БЫК. Сергей. Что дальше?

БЕСЛАН. Я - Беслан. Будем знакомы! (Снова протягивает руку)

В этот раз рукопожатие состоялось.

БЕСЛАН. Выйдем - покурим.

БЫК. Не вмешивайся ни в своё дело - мой тебе совет. Ты - нормальный парень, но ты тут не причём. Мы разберёмся без тебя.

БЕСЛАН. Я не вмешиваюсь. Это ваше дело. Я предлагаю выйти покурить. Все остынут пока, и спокойно разберётесь. Праздник всё-таки. Зачем шуметь? Тут девушка, женщина, уважаемый фронтовик.

Бык и Беслан выходят из квартиры.

БЕСЛАН. Послушай, лицо твоё знакомо. Мы встречались?

БЫК. (Равнодушно) Может, и встречались.

БЕСЛАН. Я правду говорю, а не просто так. Мы встречались уже.

БЫК. (Всматривается в Беслана) Вроде, встречались, но давно. Твоё имя мне ни о чём не говорит.

БЕСЛАН. Где же мы могли встретиться?

БЫК. (Вяло) Лужники, ВДНХ, Киевская?... Ну, рынки...

БЕСЛАН. Нет. Не был. Слушай, а в Чечне был?

БЫК. Нет, не приходилось. А ты чечен?

БЕСЛАН. Чеченец.

БЫК. В Афгане был?

БЕСЛАН. Воевал, да.

БЫК. В каком году?

БЕСЛАН. В начале 85-го дембелезовался.

БЫК. 103 - я десантная?

БЕСЛАН. Вспомнил! Ты из нового набора?

БЫК. (Обнимает его) Ну, здравствуй! Много лет вспоминал тебя, хотел сказать - спасибо.

БЕСЛАН. За что?

БЫК. За подзатыльник.

БЕСЛАН. (Смеётся) На здоровье!

БЫК. Это было круто. С самолёта, ещё не обстрелянные, без всяких понятий. А ротный говорит - ребята, война не спрашивает. И сразу в бой, к Панджерскому ущелью. А вы, дембеля, должны были отвалить на нашем самолёте... Вы ведь добровольно ввязались в этот бой? Вас никто не заставлял, вам не приказывали?

БЕСЛАН. Нет. Ротный был у нас хороший. Вы были моложе нас года на два, на три... Но мы были уже бойцы, а вы, как дети... С такими глазами. Вас всех, почти всех, сразу могли бы убить.

БЫК. Вы все имели право спокойно улететь. Вам никто не приказывал идти в этот бой... Ваши деньги были уже в другом банке.

БЕСЛАН. Конечно, всё правильно, я вспомнил, мы лежали с тобой рядом, за одним камнем...

БЫК. Ты был вроде, как наставник в бою. Вовремя залепил мне подзатыльник, иначе мне просто снесло бы башку...

БЕСЛАН. (Смеётся) Я вспомнил... действительно, подзатыльник... Ну, извини...

Надежда Птушкина. *Не лучшее утро нашей жизни.* <http://ptushkina.com>

БЫК. Может, ты спас мне жизнь.

БЕСЛАН. Ты хорошо держался в том бою. Ты смелый человек.

БЫК. А сюда ты как попал? Тут твоя девчонка?

БЕСЛАН. Девушка не причём. Мой дед воевал с её отцом.

БЫК. Да это не отец, это отчим.

БЕСЛАН. Отец не тот, кто родил, а тот кто сделал тебя человеком. А она - настоящий человек. И она очень любит своего отца. Послушай, эта семья мне дорога. Мой дед воевал с её отцом. Старики были товарищами всю жизнь. Хорошими товарищами, боевыми товарищами. Не напрягай их, оставь в покое, если есть такая возможность.

Бык задумался.

БЕСЛАН. Сколько они тебе должны?

БЫК. В принципе, можно решить. Договорились. Я возьму с неё две тысячи, без процентов, без всего...

БЕСЛАН. У меня есть две тысячи. (Лезет в карман своего пиджака) Я сейчас отдам тебе деньги, и давай всё забудем. У моих друзей сейчас нет денег. Когда у них будут деньги, они мне отдадут. Мне не горит, а тебе деньги нужны. Мы договорились?

БЫК. Нет вопросов.

БЕСЛАН. Возьми, пожалуйста. Пересчитай. Здесь ровно две тысячи.

БЫК. Всё в порядке. (Берёт деньги и кладёт в карман, не пересчитывая)

БЕСЛАН. Большое тебе спасибо, что ты нашёл такую возможность. Ты оказал мне большую услугу, я твой должник.

ГАЛИНА. (Выходит к ним) Ну, чего у вас? Без поножовщины?

БЕСЛАН. Всё в порядке. Больше ни о чём не беспокойтесь.

ГАЛИНА. Да? Тогда дай закурить!

БЕСЛАН. (Разводит руками) Не курю. Извините.

ГАЛИНА. (Быку) Дай сигаретку!

БЫК. Веду исключительно здоровый образ жизни.

ГАЛИНА. Вышли покурить, называется.

БЕСЛАН. Я выйду из подъезда, одолжу у прохожих сигарету для вас.

ГАЛИНА. Тебя просто Бог нам послал.

Беслан уходит.

ГАЛИНА. (Быку) Ну, чего скажешь?

Бык молчит.

ГАЛИНА. Это правда, больше я тебе ничего не должна?

БЫК. Вроде, да.

ГАЛИНА. Значит, ребёнок у Светки от тебя?

БЫК. У неё спрости.

ГАЛИНА. Да она-то молчит, как партизан. На неё посмотришь - от святого духа понесла, не иначе. Да я - то не со вчерашнего дня на свете проживаю. Сама родила двух от кого попада. Ты - папашка, вырисовывается?

БЫК. Это надо у неё спросить. Ей видней.

ГАЛИНА. Ясное дело. Потому и долг простил! Жениться на ней думаешь? Давай ко мне в зятя! Ты, конечно, не подарок судьбы, но наша кобыла увязла, выбирать не приходится. Так как?

БЫК. Сами решим.

ГАЛИНА. Вы уже нарешали сами! И когда только успели?

БЕСЛАН. (Возвращается) Пожалуйста, две сигареты. Я не спросил, какие вы обычно курите.

ГАЛИНА. Обычно я курю чужие.

БЫК. (Беслану) Послушай, я подумал тут... Забери деньги.

БЕСЛАН. Не надо. У меня есть.

БЫК. У меня тоже деньги есть.

БЕСЛАН. Хорошо, что есть. Верю. Но пусть у тебя будет больше.

БЫК. Возьми, говорю! Я не бедный.

ГАЛИНА. Дайте мне, а то ещё подерётесь. (Забирает у Быка деньги) Когда договоритесь, чьи деньги, возьмёте у меня. Не волнуйтесь, будут в целости и сохранности. Я доллары всегда щупочкой проверяю. Ещё ни разу фальшивые не подсунули. Бык, пойдём за стол. Выпьём! Праздник у народа!

БЫК. Я тороплюсь. Дела.

ГАЛИНА. Ну, как знаешь. Идём, Беслан!

БЕСЛАН.(Быку) До свидания. Приятно было познакомиться. (Пожимают друг другу руки.)

БЫК. Взаимно. (Галине) Мать, ты это, Свету - на полслова.

Галина и Беслан возвращаются в квартиру.

ГАЛИНА. Светик, выйди, тебя просят.

СВЕТА. Зачем ещё?

ГАЛИНА. Не фыркай, а послушай, чего скажут. Может, чего толковое. (Всем) Всё в порядке! Я погорячилась! Со мной бывает! Просто не женщина, а какая-то горячая точка!

СВЕТА. (Выходит к Быку) Какие проблемы?

БЫК. У меня - никаких. А у тебя?

СВЕТА. У меня - тем более. Пока!

БЫК. Погоди. Не дёргайся!. Ребёнок мой?

СВЕТА. А что?

БЫК. Ничего. Интересно.

СВЕТА. Очень интересно?

БЫК. Просто интересно.

СВЕТА. Учти, это наш первый и последний разговор. Ты никогда не будешь иметь к нему никакого отношения. Просто возьми и всё забудь. И не вспоминай! На этом разбегаемся.

БЫК. Подожди!

СВЕТА. Что ещё?

БЫК. В принципе, у ребёнка должен быть отец.

СВЕТА. Будет! Какие наши годы! Я на себе крест не ставлю. Я вообще по жизни оптимистка.

БЫК. Хочешь сказать, что за меня замуж не пойдёшь?

СВЕТА. Ты жутко догадливый!

БЫК. А почему?

СВЕТА. Почему?! Потому что ненавижу, презираю, боюсь, брезгую тобой... Достаточно?

Бык не отвечает, смотрит на неё.

СВЕТА. Я бы с огромной радостью засадила тебя в тюрьму, если была бы уверена, что получится. Но ты ведь откупишься, да ещё и нам всем устроишь тяжёлую жизнь! Пока!

БЫК. погоди! (Бык берёт её за локоть)

СВЕТА. Давай без рук! Меня передёргивает, когда дотрагиваешься! Ну, что ещё?

БЫК. У тебя выбор - или ты выходишь за меня замуж, или я иду в ментовку и чистосердечно каюсь. И получаю срок.

СВЕТА. Я никогда не буду выбирать из того, что предлагаешь мне ты! Я буду думать своей головой, а ты делай, что хочешь! Но с чистосердечным раскаянием у тебя обломится, я всё буду отрицать.

БЫК. То есть, ты не желаешь, чтобы я сидел в тюрьме?

СВЕТА. Мне всё равно - в тюрьме ты или где. Но при моём участии ты в тюрьму не сядешь!

БЫК. Почему? Ты же так этого хотела?

СВЕТА. Потому что я не могу посадить в тюрьму отца моего будущего ребёнка! Я не хочу, чтобы хоть что-то омрачало наши с ним отношения. Я не хочу ему врать и не хочу причинить ему боль. Я уже сейчас очень сильно люблю его! А тебя ненавижу! И больше всего на свете хочу, чтобы ты сейчас испарился, исчез из моей жизни навсегда.

БЫК. Понял. Тогда, пойдём, нас ждут за столом. (И первым проходит в квартиру, пока Света преодолевает оторопь от его нахальства)

ГАЛИНА. (Гасит сигарету и вскакивает) Серёженька, сыночек, проходи! Дорогим гостем будешь! Садись! Костик, подай прибор!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Прервался, кивнул Быку и продолжает с увлечением свой рассказ для Анатолия и Беслана) Кормили хорошо всегда. Один килограмм хлеба в день - это обязательно. Тридцать пять граммов сахара. Это хватало. А мне давали ещё дополнительно тридцать пять граммов за то, что не курю.

ГАЛИНА. (Быку) Что тебе положить, Серёженька? Салатику хочешь? Светик делала! Она у нас так готовит хорошо! Вообще, ко всему приучена! Ко всему!

БЫК. Спасибо. Не надо ничего. Я так посижу.

Возвращается Света.

ГАЛИНА. Светик, иди сюда, доченька, садись около Серёженьки!

СВЕТА. Зачем - около? Я сейчас прямо на колени к нему!

Пауза. Галина нервно хватается сигарету и закуривает.

КОСТЯ. Мать, хорош дымить! Тебе на фронте лишние тридцать пять граммов сахара не дали бы!

БЕСЛАН. Мир тесен. Оказалось, что мы с Сергеем вместе воевали в Афганистане!

АНАТОЛИЙ. Ну, оттуда-то везли, конечно... дублёнки, алмазы...

БЫК. (Мрачно Анатолию) Слушай, ты хоть в армии-то служил?

АНАТОЛИЙ. (Обиделся) А как я мог не служить? Тогда все служили. А на тех, кого не взяли в армию, все смотрели, как на недоумков, с подозрением, их сторонились... Что ты на меня так смотришь?

Надежда Птушкина. *Не лучшее утро нашей жизни.* <http://ptushkina.com>

БЫК. А что ты делал в армии? В хоре пел? В канцелярии какой-нибудь кантовался?

АНАТОЛИЙ. Воевал.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Ты воевал, Толик? Впервые слышу.

БЫК. Ну и где воевал?

АНАТОЛИЙ. В Египте.

БЫК. Пирамид, небось, оттуда вывез и тут продавал.

АНАТОЛИЙ. Нет, только куртку кожаную. Хорошую куртку. Её до сих пор сын носит. Хотел после съездить, эти самые пирамиды осмотреть. Да сначала не выпускали, в почтовом ящике служил, весь из себя засекреченный. А сейчас, когда уж все секреты растрепали, и в Египет народ вместо Сочи в отпуск ездит, опять не могу - денег нет.

ГАЛИНА. Нет, это надо же, кого не коснись, все где-нибудь за что-нибудь, за кого-нибудь да воевали!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Да только армия никогда так не была унижена, как сейчас... нищета, неуважение, беспорядок...

БЫК. Когда страна не хочет содержать и уважать свою армию, придётся ей рано или поздно содержать и уважать чужую.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Выпьем за нашу армию!

ГАЛИНА. Выпьем-выпьем! Вот только у Серёженьки в тарелке пусто. Светик, погрей ему картошечки с котлеткой.

Света уходит в кухню.

ГАЛИНА. А ты, Серёжа, поди, к ней с тарелкой, пусть сразу и положит.

КОСТИК. Я подам.

ГАЛИНА. (Костику) Сиди!

Бык подходит с тарелкой к Свете.

БЫК. Ем мало, не пью, воевал честно - выходи за меня замуж.

СВЕТА. Отец и воевал честно, и жил после честно. А ты воевал, а после - в бандиты.

БЫК. А кому я нужен? А куда мне было деваться?

СВЕТА. Сейчас заплачу от жалости! Такие, как мой отец, никогда не спрашивали у женщин, куда им деваться? Женщины при них были, как за каменными стенами. Они были мужчинами, понимаешь?

БЫК. Понимаю.

СВЕТА. Чего ждёшь? Чего тебе от меня надо?

БЫК. Картошки с котлетой.

СВЕТА. Подставляй тарелку!

БЫК. Мне от тебя надо картошку с котлетой каждый день!

СВЕТА. Ничего ты не понял.

БЫК. Возможно. Но подумать есть над чем.

Звонок в дверь.

ГАЛИНА. А теперь-то кто? (Идёт открывать)

НИКОЛЬСКИЙ. (Подтянутый, в парадной форме, его не назовёшь стариком) Здравствуйте!

ГАЛИНА. Ой, здрассти! Вась! Василий Михайлович, это, наверное, к тебе!

Надежда Птушкина. *Не лучшее утро нашей жизни.* <http://ptushkina.com>

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. (Подходит) Здравствуйте, товарищ генерал-полковник! Вы кого-то ищете?

НИКОЛЬСКИЙ. (Неуверенно) Здравствуйте! Видите ли... Ко мне подошла сегодня утром девушка и попросила.. вот - сунула бумажку с адресом... (Достаёт бумажку) Я не уверен, туда ли попал...

СВЕТА. (Подходит) Вы пришли, товарищ генерал! Спасибо! (Василию Михайловичу) Папа! Я попросила товарища генерала, с которым ты вместе воевал, поздравить тебя лично...

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Да ты чего, Света? Кто же так делает? Товарищ генерал-полковник, тамада, что ли, чтоб ездить по домам и всех фронтовиков лично поздравлять?

ГАЛИНА. Ничего, раз в полвека можно!

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Да мало ли забот у генерал - полковника в такой день? Извините, товарищ генерал-полковник.

ГАЛИНА. Да вы заходите, товарищ генерал, раз пришли, не в дверях же толочься!

Проходят в комнату.

ГАЛИНА. (Всем) Вот товарищ генерал забрёл на огонёк. Вспомнил, как воевал с Васей, решил лично поздравить. Присаживайтесь, товарищ генерал, покушайте с нами!

НИКОЛЬСКИЙ. Спасибо. Меня ждут. Я ненадолго. Извините. (Василию Михайловичу) Где воевали, Василий Михайлович.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. На Волховском фронте, на Ленинградском, на Карельском, на втором Белорусском...

НИКОЛЬСКИЙ. Вряд ли мы встречались на войне... Я воевал в 49 Стрелковой дивизии, начинал в 222 Стрелковом полку ротным политруком... (Свете) Что-то ты напутала, девочка?

ГАЛИНА. Да какая разница, товарищ генерал, всё равно вы боевые товарищи! И давайте выпьем за это! (Наливает всем водки)

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. Значит, политруком начинали?

НИКОЛЬСКИЙ. Сначала политруком, потом комиссаром батальона, дивизии, потом перешёл в командиры, закончил войну в Берлине.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ. А я в Дании. Политрук на фронте был самый ценный человек для солдата, отец наш родной, никогда не врал нам. Вот я вас и спрошу по старой памяти, товарищ генерал-полковник, плохо мы воевали или нет? Оккупантами были или освободителями? Почёта мы достойны нынче или жалости?

НИКОЛЬСКИЙ. Тогда мне казалось, что здорово воюем, что жизнь отдельного человека на войне не имеет уж такого большого значения. Потом учился в академии и стал на многое смотреть иначе. Да, бывало, что воевали и неграмотно, и наивно, много людей погубили от незнания и неумения. Всё так, но не сбросишь с весов, что именно мы, не всегда умелые, освободили мир от фашизма. Решения Нюрнбергского суда пока ещё никто не отменял! Фронтовика обидеть легко. Он ведь только на фронте богатырь и герой, а в мирной жизни скромный и стеснительный, за себя постоять не умеет. Да, были ошибки, но ни отдельному человеку, ни всему человечеству пока гладко прожить не получалось. И разве того кто жертвовал собой и честно воевал, надо упрекать и обвинять, тыкать ему его ошибками? А почему же никогда не спросят горлопана, предателя, трепача и лгуна, до чего ты довёл свою Родину? Да потому что нет у таких Родины! И нет у них чувства вины! Но и гордиться им нечем. Вот и мутят воду. Да, сейчас не лучшие времена для героев, а для всякого отребья простор. Но сойдёт вся муть, и человечество всегда будет чтить советского воина-освободителя!

Надежда Птушкина. *Не лучшее утро нашей жизни.* <http://ptushkina.com>

...И кадры хроники: свободным строем вступают солдаты во взятый город где-то в Европе... Счастливые простодушные, мудрые лица, а в глазах сочетается, как это было только у советского человека сороковых, трагизм и бесшабашность...

И пока идут кадры, Василий Михайлович накидывает шинель и спешит в строй.

КОНЕЦ